БѢДОВИКЪ

ГЛАВА 1

ЕВСЕЙ СТАХѢЕВИЧЪ ЕЩЕ НЕ ДУМАЕТЪ ѢХАТЬ ВЪ СТОЛИЦУ.

Въ одномъ изъ губернскихъ городовъ нашихъ, положимъ хоть въ Малиновѣ, настало воскресенье. Евсей Стахѣевичь Лировъ, благовидный, хотя и неслишкомъ–ловкій молодой человѣкъ, а по чину и званію своему птица не высокаго полета, отстоявъ въ пятиглавомъ соборѣ обѣдню, пустился, по неизмѣнному мѣстному обычаю, въ объѣздъ по всѣмъ лакейскимъ и переднимъ: поѣхалъ развозить карточки за собственною подписью своею и расписываться у начальниковъ и старшихъ на засаленномъ листѣ бумажки.

Евсей Стахѣевичь выросъ въ уѣздѣ, а нынѣ, и то недавно только, попалъ въ губернскій городъ; по–этому онъ и привыкъ уже съ–измала ко всѣмъ обрядамъ и обычаямъ, вошедшимъ въ губерніяхъ и уѣздахъ нашихъ въ законную силу; но

Евсей при всемъ томъ никакъ не могъ помириться съ этими заповѣдными объѣздами, къ которымъ необходимо было приступать снова каждый воскресный и табельный день, то–есть, до 75–ти разъ въ году, если не болѣе. Онъ свято исполнялъ этотъ обрядъ; но каждый праздникъ, доставая бѣлый воротникъ и воскресную жилетку, пускался снова въ разсужденія о безполезности этого тунеяднаго обычая.

Евсея Стахѣевича безпокоило при–томъ всего болѣе то, что онъ не видѣлъ этому дѣлу никакого отраднаго конца: это — бездонная бочка и только; даже дѣтямъ и внукамъ нашимъ не будетъ легче отъ нашихъ объѣздовъ съ почтеніемъ — мы ихъ работы не переработаемъ, а имъ придется начинать, на свой пай, съ–изнова. Не успѣлъ покончить сегодня, отдохнуть, день другой поработать — принимайся опять за то же, и такъ до скончанія вѣка. А кто поблагодаритъ меня за это? думалъ Евсей Стахѣевичь: кому отъ визитовъ моихъ легче и теплѣе? Ни посѣтителю, ни посѣщаемому, — ни гостю, ни хозяину; а между–тѣмъ, нельзя и отстать. Я самъ

намедни слышалъ, какъ прокуроръ нашъ, напримѣръ, попенялъ, очень недвусмысленно, одному изъ подчиненныхъ своихъ за невнимательность эту по службѣ: «вы сударь» сказалъ прокуроръ «съ супругою своею подъ ручку разгуливаете, это мы видимъ; а начальства своего по воскресеньямъ не уважаете»... Что же тутъ станешь дѣлать? Поѣдешь по неволѣ.

Такъ разсуждая, Лировъ побывалъ уже у губернатора, вице–губернатора, у начальника своего, предсѣдателя гражданской палаты, и былъ на пути къ предсѣдателю уголовной. Привычныя поѣздки эти, отвѣты: «у себя», «принимаютъ», или «выѣхали–съ», «не принимаютъ», а за тѣмъ столь выразительное шарканье, думное молчанiе или замысловатый разговоръ о погодѣ, поворотъ на–лѣво кругомъ, или молчаливая отдача въ лакейской своего добраго имени — все это нисколько не мѣшало Евсею Стахѣевичу продолжать думать и разсуждать про себя, тѣмъ болѣе, что онъ былъ мастеръ своего дѣла, не визитовъ то–есть, а мыслей и думы. Онъ продолжалъ

круговую по цѣлому городу и продолжалъ себѣ думать, не запинаясь мыслями ни на одномъ порогѣ. «И какъ это глупо, безтолково, безмысленно!» такъ думалось ему: «ну, пусть бы уже раза два, три въ году, коли это необходимо, коли ведетъ къ чему–нибудь, а то — каждое воскресенье, каждый Божій праздникъ! Всякому, безъ–сомнѣнія, глупость эта надоѣла не меньше моего, а каждый связанъ и опутанъ этими тенетами и пленками условныхъ приличій; спрашиваю, можно ли принять съ повальнаго согласія общее правило и постановленіе, которое всѣмъ вообще въ тягость и никому не приноситъ пользы? Когда, бывало, учитель сѣкъ насъ въ уѣздномъ училищѣ, то увѣрялъ всегда и приговаривалъ во все время сѣкуціи «не я бью, самъ себя бьешь.» То же самое хочется мнѣ и теперь высказать иногда хозяину, къ которому случится пріѣхать не вь–время. Онъ морщится, и я морщусь — а между–тѣмъ, какъ быть? Коли пойду наперекоръ обычаямъ и заведеніямъ, я же буду виноватъ, потому–что по службѣ нашему брату нѣтъ отговорокъ. И пусть бы

еще нашъ братъ, мелочь, ѣздила къ начальникамъ съ почтеніемъ, да на поклонъ, чтобы на глаза показаться, чтобы не сказали: «Вы по воскресеньямъ не уважаете начальства»; а то нѣтъ — и другъ къ другу, и къ равнымъ себѣ, и къ постороннимъ, къ знакомымъ и къ незнакомымъ — словомъ, гдѣ только есть ворота, да три окна на улицу, туда и заѣзжай сподрядъ. И этимъ–то мы занимаемся каждый праздникъ, отъ обѣдни и до самаго обѣда! А сколько тутъ еще бываетъ недоразумѣній, сколько толковъ, пересудовъ, начетовъ и недочетовъ, сколько причинъ къ неудовольствіямъ, обидамъ, сплетнямъ!»... Въ это время Евсей Стахѣевичь, въ числѣ пяти другихъ чиновъ, привѣтливо и почтительно раскланивался, и шаркалъ, и нагибался передъ супругой предсѣдателя уголовной и продолжалъ себѣ, нисколько не смущаясь, думать: «Напримѣръ, объѣдешь не по чинамъ, не по званію, какъ я прошлое воскресенье пріѣхалъ вотъ сюда, побывавъ уже у полицмейстерши, потому–что туда было по пути заѣхать, — гнѣваются; или,

напримѣръ, начальникъ не принимаетъ, да позабудешь записаться, какъ я же въ вербное воскресенье, такъ уже на тебя смотрятъ этакъ приподнявъ нижнюю губу, де–скать не уважаетъ начальства, зазнаётся... Да, есть съ–чего нашему брату, подлинно! Или пріѣдешь по–позднѣе, потому–что какъ ни бейся, а ко всѣмъ вдругъ не поспѣешь, да запишешься въ концѣ листа, говорятъ: важничаетъ, пріѣзжаетъ по–барски, словно къ ровнѣ; а пріѣдешь по–раньше на починъ, да запишешься на листѣ въ самомъ заголовкѣ — такъ и это не по чину, того и смотри, что опять–таки не ладно, а норови да попадай въ свою артель. Намедни, напримѣръ, нашъ совѣтникъ пріѣхалъ къ губенатору, вымаралъ подпись мою и поставилъ ее подъ своею; да съ–сердцовъ еще такъ черкнулъ меня–бѣдняка, что только брызги посыпались... что будешь дѣлать! Или, напримѣръ, войдешь въ переднюю, да кинешь въ–торопяхъ плащъ на какую–нибудь прокурорскую шубу, какъ случилось это и со мною, опять–таки по перстамъ тебѣ разсчитаютъ, что съ умысла,

зазнался, да и только; или, напримѣръ»... Евсей Стахѣевичь, распростившись съ уголовною, сидѣлъ уже опять на столбовыхъ дрожкахъ своихъ, когда первый членъ Межевой Конторы, объѣзжая его на щегольской парѣ, поднесъ, словно нќ–хотя, руку къ шляпѣ и закричалъ: «Что вы это опять дѣлаете сегодня, Евсей Стахѣевичь? Вы развозите чужіе билеты!» Лировъ поглядѣлъ за нимъ вслѣдъ, опустилъ руку въ боковой карманъ, досталъ и развернулъ пучокъ билетовъ, и крайне изумился, увидѣвъ, что передъ нимъ на–лицо дѣйствительно карточки чужія, всѣхъ цвѣтовъ и величинъ, съ разноцвѣтными каемочками, съ позолотою, съ цвѣточками, даже съ амурчиками и съ восклицательными знаками, по вкусу и выбору господъ–хозяевъ. Этого мало: перебирая ихъ, Евсей увидѣлъ, что женскихъ билетовъ было почти на половину, и одинъ между прочимъ, съ буквами внизу: p. p. c. (pour prendre congќ), которыя Стахѣевичь, въ простотѣ своей, принялъ за русскія и истолковалъ словами: разъѣзжаю ровно сумасшедшая.

Но наконецъ Лировъ опомнился и спросилъ кучера своего, который остановился у подъѣзда одного изъ совѣтниковъ: «Власовъ! гдѣ ты взялъ билетики эти?» Корней Власовъ Горюновъ оглянулся, спросилъ еще разъ: «которы? эвти?» и на отвѣтъ: «да эти, эти самые» началъ разсказывать преоколичественную быль, какъ вице–губернаторскіе мальчишки, сосѣди Лирова, выбирали билетики изъ сора да стали–было послѣ раскидывать ихъ по улицѣ; какъ Власовъ разогналъ пострѣловъ, подобралъ билетики, завернулъ и положилъ ихъ на окно барина, и наконецъ, видно не взначай, подалъ ихъ сегодня вмѣсто бѣленькихъ. Разговоръ этотъ у подъѣзда совѣтника продолжался бы, вѣроятно, еще нѣсколько времени, еслибы полковникъ Плаховъ не наѣхалъ сзади четверней, и выносной мальчишка не взвизнулъ пронзительнымъ голосомъ, которому кучеръ, съ высоты козелъ своихъ, вторилъ грубымъ и нахальнымъ басомъ. Корней Власовъ продернулъ скорехонько до угла, а Лировъ соскочилъ тутъ и побѣжалъ назадъ къ подъѣзду.

Отпустивъ поклонъ и завѣтное поздравленіе съ праздникомъ, то–есть съ еженедѣльнымъ воскресеньемъ, Лировъ стоялъ у косяка дверей въ переднюю, глядѣлъ во всѣ глаза на занимательную бесѣду прокурора съ полковникомъ о здравіи его превосходительства господина губернатора и ея превосходительства супруги его, о наступающихъ новыхъ дворянскихъ выборахъ и ожидаемыхъ по этому поводу новыхъ стачекъ, разладицъ, сплетень, ссоръ и мировыхъ; объ открытомъ на–дняхъ рекрутскомъ присутствіи; при чемъ полковникъ дѣлалъ кочковатыя и рѣзкія, топорной работы, замѣчанія, а прокуроръ съ простодушнымъ хохотомъ увѣрялъ: «слава Богу, что эта часть до меня почти не относится, право, ей, ей, слава Богу: по крайности избавленъ отъ всякаго грѣха и искушенія и совѣсть чиста и спокойна.» На все это глядѣлъ Евсей Стахѣевичь, но почти ничего не слышалъ; у него была привычка, принявшись, въ раздумьи, за какой–нибудь предметъ, вертѣть его во всѣ стороны, обходить его кругомъ, осматривать снутри и

снаружи, переминать его какъ жвачку, поколѣ не спознается съ нимъ какъ съ роднымъ братомъ. По–этому Евсей продолжалъ думать, какъ въ пріемной прокурора, такъ и усѣвшись опять на столбовыя дрожки свои, такимъ образомъ:

«И, слава Богу еще, что я не членъ рекрутскаго присутствія — это таки само по себѣ, но слава Богу еще, что я не женатъ. Можно ли вынести равнодушно весь этотъ безсмысленный бытъ, эту убійственную жизнь нашего женскаго круга, этотъ великолѣпный житейскій пустозвонъ и пустоцвѣтъ?... Визиты, съ большимъ разсчетомъ и разборчивостію, съ осмотрительностію, по чинамъ, по званію, по служебнымъ обстоятельствамъ и отношеніямъ мужей, и здѣсь также составляютъ почти–всю лицевую сторону, хазовый конецъ, пріятельскихъ и дружескихъ сношеній, то–есть, собственно–внѣшнюю жизнь; на этомъ вертится все, этому одному посвящаютъ время и безвременье, досугъ и недосугъ, а остальную часть дня размышляютъ и совѣтуются о томъ, кому и какой визитъ

отдать, и когда поѣхать, и сколько посидѣть. Вновь–пріѣзжая барыня, или какъ ее называютъ, дама — а почему бы не краля? — обязана объѣхать всѣ 38 домовъ, составляющіе высшее общество города; младшія по чину, званію, богатству и значенію въ обществѣ спѣшатъ на другой же день засвидѣтельствовать ей свое почтеніе и готовность служить, на первый случай, столикомъ, парою стульевъ, ухватомъ, кочергой; равныя побываютъ въ–теченіе какой–нибудь недѣли, а чѣмъ барыня выше и почетнѣе, тѣмъ далѣе откладываетъ она обратное свое посѣщеніе. Между–тѣмъ всѣ онѣ, другъ другу, одна одной и въ–особенности новопріѣзжей, смотрятъ отвѣтно въ горшокъ и въ кострюлю, и чрезвычайно заботятся о томъ, когда у кого бываетъ ботвинья, когда щи, супъ или борщъ. Это такъ–сказать еще одни цвѣточки созерцательной жизни ихъ, а ягодки бываютъ впереди, когда изо всего этого выходитъ наконецъ огромный клубокъ или мотокъ сплетень, которыхъ не развяжетъ и не распутаетъ и самъ... «Виноватъ!» сказалъ Евсей Стахѣевичь,

взявшись среди улицы за шляпу и думая, что проговорился при людяхъ и въ–слухъ. Но какъ по–видимому никто, ниже и самъ Корней Горюновъ, не подслушали на этотъ разъ Евсея, то проказникъ нашъ, отправляясь съ крыльца на крыльцо, изъ передней въ переднюю, все еще продолжалъ разсуждать про себя: «коренныя, старыя жительницы не менѣе того обязуются объѣхать, по–крайней–мѣрѣ на святой недѣлѣ и въ рождество, каждая всѣ 38 домовъ, и кромѣ того явиться и показаться въ первобытномъ видѣ своемъ, послѣ каждаго шестинедѣльнаго домашняго заключенія. Чѣмъ благосклонная посѣтительница выше саномъ, тѣмъ короче такъ–называемый визитъ ея; иногда, въ буквальномъ смыслѣ, она успѣетъ войдти, чмокнуться, присѣстъ, встать, откланяться и уѣхать въ полминуту, въ тридцать секундъ; намедни я видѣлъ это самъ, повѣривъ по часамъ своимъ визитъ вице–губернаторши. Визиты эти дѣлаются вообще между 11 и 2 часовъ; и въ это время, въ великоторжественные дни, четвёрка за четвёркой, пара за парою,

гонится взадъ и впередъ, вдоль и поперегъ, по всѣмъ улицамъ и переулкамъ; всѣ встрѣчаются, здороваются, разъѣзжаются и спѣшатъ развозить билеты свои, покуда еще никого нѣтъ дома. Но если вы спросите у совѣтницы нашей, знакома ли она съ предводительшей, то она вамъ скажетъ «нѣтъ», не смотря на то, что онѣ обѣ честятъ и утѣшаютъ себя и другъ друга взаимно визитами; знакомы тѣ только, которыя ѣздятъ другъ къ другу посидѣть. И это знакомство–посидѣлки раздѣляется еще на два разряда: иныя навѣщаютъ другъ друга по какому–нибудь первоначально случайному обстоятельству, только по–утрамъ, и говорятъ: «я была у такой–то посидѣть утромъ»; другія — и вотъ это уже пріятельницы настоящія, задушевныя, — сидятъ одна у другой по–вечерамъ; это связь самая короткая, тѣсная, которая обыкновенно обходитъ поочередно кругомъ весь городъ. Мы знакомы; маленькая непріятность разстроитъ знакомство наше, мы спѣшимъ врознь, прижимаясь тѣснѣе каждая къ новой пріятельницѣ своей, съ разсказомъ страннаго поведенія бывшей

подруги, которая не сказалась дома, или приняла меня холодно, или тамъ–то сказала обо мнѣ вотъ то–то; вѣсть о разводной обѣгаетъ въ сутки змѣйкой и молніемъ по всѣмъ 38 дымовьямъ и очагамъ, и на–утро возвращается, съ привѣсками и отмѣтками на поляхъ, къ двумъ бывшимъ пріятельницамъ, о которыхъ теперь говорятъ: онѣ ужь больше не знакомы. На другой и на третій день, послѣ каждой подобной размолвки, вы можете держать закладъ, что у подъѣзда той и другой почтенной барыни стоитъ карета или коляска: это поступившія на упраздненныя мѣста подставныя подруги, это заботливыя искательницы, подружившіяся и поссорившіяся уже въ свою очередь съ уволенною нынѣ отъ службы и дружбы подругою, это торопливо–услужливыя новыя пріятельницы, утѣшающія одиночество и сиротство покинутыхъ и обманутыхъ. Новыя подруги эти спѣшатъ передать вчера только съ–изнова–добытымъ пріятельницамъ, съ которыми впрочемъ также когда–то уже были знакомы и опять

незнакомы, въ пріязни и въ размолвкѣ, и нынѣ вотъ опять въ самой тѣсной дружбѣ, спѣшатъ передать, что говорятъ объ этомъ въ городѣ. Вотъ это я уже называю ягодками, потому–что въ нихъ есть и сѣмечки, отъ которыхъ пойдетъ дремучій и непроходимый лѣсъ новыхъ вздоровъ, или по–крайней–мѣрѣ не одна добрая десятина заростетъ бурьянникомъ, репейникомъ и сорными травами.

«А именины?» подумалъ про себя Евсей Стахѣевичь, вошедши въ низкую, грязную, тѣсную, заваленную всякими дорожными припасами комнатку состоятельнаго помѣщика Козьмы Сергѣевича Мукомолова, который только–что на–канунѣ пріѣхалъ по домашнимъ дѣламъ въ городъ и угощалъ теперь поздравителей нынѣшняго дня ангела своего: «а именины? Это ужь Богъ вѣсть чтѣ такое! Можно ли ввести во всеобщее употребленіе обычай поздравлять весь городъ своевременно съ именинами и дать этому безтолковому, тунеядному обычаю силу житейскаго закона? Другое дѣло» продолжалъ Евсей про себя, раскланиваясь съ Мукомоловымъ

и имѣя честь поздравить его съ днемъ ангела его: «другое дѣло сходить и поздравить стараго пріятеля, съ которымъ я давно и коротко знакомъ, котораго люблю и уважаю; а какая мнѣ нужда до именинъ какихъ–нибудь ста особъ, и можно ли требовать отъ человѣка, если онъ не въ комитетѣ по утаптыванію мостовой, чтобы онъ зналъ и помнилъ всѣ именины мужей и женъ, и подростковъ и недоростковъ, чтобы мало–мальски порядочный человѣкъ занимался такимъ безсмысленнымъ вздоромъ? Не уже ли и въ–самомъ–дѣлѣ обзаводиться академическимъ календаремъ длятого только, чтобы знать, въ которомъ часу солнце заходитъ въ Петербургѣ, какаго исповѣданія папа римскій, и чтобы отмѣчать на пробѣлахъ: 10 апрѣля гремѣлъ первый громъ; 11 именины Козьмы Панкратьевича, а 12–го Макара Андреяновича? Какая мнѣ нужда» проговорилъ Евсей Стахѣевичь, забывшись, въ–слухъ, раскинувъ руки врознь: «какая мнѣ нужда до именинъ цѣлаго города, и могу ли я ихъ знать и помнить?»

Проговоривъ это, Лировъ сталъ какъ вкопанный и не рѣшался даже поднять шляпу, которую въ испугѣ выронилъ: онъ потерялся и вовсе не зналъ какъ отвѣчать въ ладъ и въ мѣру на приглашеніе расхохотавшагося хозяина–хлѣбосола: хоть закусите. Лировъ подошелъ, не помня себя, къ треугольному столику, покрытому синею, измаранною ярославскою салфеткою, у которой четыре, измятые продольными складками угла, неоспоримо свидѣтельствовали, что она исправляла также должность дорожнаго чемодана; робко взглянулъ на печатные ярлыки: Медокъ Сенъ–Гульенъ, Laffitte–trḱs–qualitнь – выпилъ рюмку желудочной и потогонной, которую поднесъ ему самъ хозяинъ, поклонился, схватилъ шляпу, растоптанную между–тѣмъ вбѣжавшимъ спросонья человѣкомъ, выскочилъ безъ памяти на крыльцо, едва нашелъ ощупью и по слуху дрожки свои, едва проговорилъ «домой»! и кряхтѣлъ, кашлялъ, морщился и отплевывался во всю дорогу, и дышалъ на вѣтеръ, и отворачивался, потому–что Евсей Стахѣевичь отъ–роду въ первый разъ

отвѣдалъ водки, и на этотъ первый разъ закатилъ полную, большую рюмку дорожной отрады Мукомолова, у котораго Перепетуя Эльпидифоровна славилась хозяйствомъ своимъ по всему околодку, лечила по лечебникамъ Килліана и Енгалычева, какъ кто пожелаетъ, и сама перегоняла тайкомъ отъ откупщиковъ спиртъ и дѣлала желудочную и потогонную, послѣ которой ину–пору покрякивалъ и самъ Козьма Сергѣевичь Мукомоловъ.

Такимъ образомъ кончились на этотъ разъ и визиты и размышленія нашего Евсея Стахѣевича.

ГЛАВА 2.

ЕВСЕЙ СТАХѢЕВИЧЬ ДУМАЕТЪ ѢХАТЬ ВЪ СТОЛИЦУ.

Надобно однако же сказать вамъ, кто таковъ былъ Евсей Стахѣевичъ и какъ онъ попалъ въ Малиновъ, и прочее.

Отецъ Евсея — или нѣтъ, лучше начнемъ съ дѣда — дѣдъ Евсея былъ воронежскій мѣщанинъ, который нажилъ порядочное состояніе скорняжнымъ ремесломъ, выучился въ зрѣлыхъ лѣтахъ грамотѣ у старовѣровъ и сталъ подписываться: Онуфрій Рыловъ, тогда какъ доселѣ прозваніе это, по воронежскому, полу–украинскому обычаю, изустно произносилось просто Рыло. Поколѣніе меньшаго, безграмотнаго брата, Михея, и понынѣ осталось при необлагороженномъ прозваніи своемъ: Рыло.

Но человѣчество совершенствуется съ каждымъ шагомъ: у Онуфрія былъ сынъ Стахѣй, воспитанный во всей строгости раскольничьяго изувѣрства; да лихъ не пошло въ прокъ ни воспитаніе Онуфрія, ни даже нажитое отцомъ его добро; изъ Стахѣя вышелъ бойкій, разбитной дѣтина, который семнадцати годовъ уже по грамотной части заткнулъ за поясъ весь Воронежъ. Онъ пошелъ въ конторщики, наслѣдовалъ отцовскими тридцатью тысячами, былъ потомъ секретаремъ въ уѣздномъ магистратѣ, да одолѣла

своекоштная болѣзнь — пошолъ пить запьемъ, мѣсяца по три, по четыре сряду, и держался на мѣстѣ своемъ, поколѣ не издержался; а когда же онъ прокутилъ и прогулялъ все, то его устранили, и Стахѣй, съ чиномъ губернскаго, пытался–было еще раза три пріютиться, но уже не могъ, ни устоять на ногахъ, ни усидѣть на мѣстѣ, и потому, открывъ въ себѣ даръ сочинять просьбы и писать стихи, Стахѣй не удовольствовался тѣмъ, что давно уже подписывался не Рыловъ, а Рылевъ, чтъ казалось ему и приличнѣе и благозвучнѣе, а увѣрилъ себя къ–тому еще, что прозваніе Рылевъ происходитъ отъ украинскаго: Рыле; а Рыле не что иное, какъ искаженное: Лира; по–этому Стахѣй и сталъ подписываться и именоваться впредь отнынѣ Лировъ; а, послышавъ въ себѣ отъ піитическаго прозванія этого піитическое призваніе, сталъ заниматься уже исключительно только вольнымъ письмомъ. И у него была, правда, привычка, ставить точку каждый разъ, когда бывало захочется понюхать табака, или сказать слово постороннему человѣку, а, принимаясь

снова за перо, расчеркиваться прописною буквою съ закорючками; то же самое случалось иногда и посреди слова, если веселая мысль его одолѣвала и душа просилась на просторъ; но все это не было помѣхой письменному краснорѣчію Стахѣя, равно какъ не мѣшали этому и переносъ слова въ другую строку на любой буквѣ, перестановка ять и есть, излишнее употребленіе буквы ъ, которая встрѣчалась въ твореніяхъ Стахѣя каждый разъ послѣ буквы в, какъ неотъемлемая ея принадлежность, и, наконецъ, сплошное замѣненіе буквы фертъ ѳитою, потому—что ф была, по мнѣнію Стахѣя, буква вовсе неблагопристойная. Стахѣй одѣвался по воскресеньямъ всегда очень–чисто, писалъ по заказу просьбы, письма, сдѣлки и договоры, а нерѣдко и стишки, въ родѣ слѣдующихъ:

Офицерикъ молодой
Съ нею время препровелъ...

писалъ, писалъ, гулялъ и женился наконецъ на дочери одной знаменитой

просвирни, искавшей зятя, котораго бы можно было продержать первыя двѣ, три недѣли послѣ свадьбы въ безчувственномъ состояніи. Сваха взяла отвѣтъ и страхъ на свою голову, и поручилась за исполненіе необходимой мѣры этой, и Стахѣй, сочинивъ самъ на свадьбу свою премилое поздравительное посланіе, былъ форменно учтивъ и вѣжливъ съ невѣстою своею, какъ на обрядѣ смотрѣнія, на смотринахъ, такъ и на помолвкѣ, и наконецъ послѣ вѣнца. Чтъ было потомъ — это онъ запомнилъ; припоминаетъ однако же, что у него болѣла голова.

Родился сынъ, былъ названъ Евсеемъ, росъ, обучался въ уѣздномъ училищѣ грамотѣ, поступилъ канцелярскимъ служителемъ въ земскій судъ, гдѣ и происходилъ чинами; велъ онъ себя отлично–хорошо, зналъ дѣло и работалъ неутомимо; наконецъ, послѣ разныхъ приключеній, былъ онъ переведенъ, по ходатайству предсѣдателя, въ гражданскую палату. Отца Лирова, Стахѣя, теща увезла, какъ необходимую домашнюю утварь, въ свой городъ, гдѣ онъ, по слухамъ,

дошедшимъ до бѣднаго Евсея, волею Божіею помре.

Виноватъ ли былъ этотъ бѣдный Евсей, что онъ родился отъ такихъ родителей? Но свѣтъ этого не разбираетъ; у него, какъ на визиты, которые Евсей нашъ такъ отъ души возненавидѣлъ, такъ и на все, — свои обычаи, условныя приличія, уставы и обыкновенія. Свѣтскіе предразсудки, которые выростили, вспоили и вскормили насъ, такъ всесильны, что и читатели мои, какъ я вижу, готовы откинуться отъ сына распутнаго магистратскаго секретаря и просвирни, какъ–будто онъ можетъ отвѣчать за грѣхи и вину предковъ своихъ! Развѣ мало дѣла человѣку — держать отвѣтъ лично за себя?

Евсей Стахѣевичь былъ необыкновенно–честный и трудолюбивый человѣкъ, то и другое по какому–то рѣдкому врожденному свойству, въ которомъ не могъ отдать ни другимъ, ни себѣ–самому отчета. За это благородное, безкорыстное направленіе духа онъ былъ обязанъ... но объ этомъ послѣ; довольно того, что мысль и чувство вложены были въ него природою и развиты

женщиною. Подъ всегдашнимъ гнетомъ судьбы и людей, въ неровной борьбѣ своей съ людьми и съ судьбою, Евсей, не смотря на здравый умъ свой и необыкновенное терпѣніе, былъ нѣсколько малодушенъ; онъ выросъ и возмужалъ въ какомъ–то уничиженіи; обстоятельства не дали развиться въ немъ силѣ и самостоятельности; онъ былъ тихъ, скроменъ, потворчивъ, робокъ и до–того снисходителенъ, что, казалось, не видѣлъ ничего тамъ, гдѣ присутствіе его могло быть для другихъ обременительно, не слышалъ ни слова, если около него происходилъ разговоръ, который могъ или долженъ бы ввести разговаривающихъ въ краску. Словомъ, Евсей былъ обыкновенно самый безвредный свидѣтель: чтъ онъ видѣлъ, слышалъ, то зналъ про себя объ этомъ, и разсуждалъ и не повѣрялъ никому на свѣтѣ чужихъ тайнъ. Онъ самъ былъ честенъ, благороденъ, добръ, но никогда не искалъ этихъ свойствъ и качествъ въ другихъ, никогда не удивлялся, если находилъ противное. Если онъ не проговаривался въ–слухъ, что случалось впрочемъ съ нимъ не

слишкомъ часто, то никому ни въ чемъ не мѣшалъ и никогда не прекословилъ. Ко всему этому привыкъ онъ еще съ тѣхъ инстанцій, гдѣ вокругъ него нюхали табакъ, доставая тавлинку изъ–за голенищъ, и гдѣ, для хозяйственнаго сбереженія, должность клѣтчатаго платка нерѣдко исправляли бумажные обрѣзки.

Замѣтимъ, что Евсей былъ человѣкъ грамотный: онъ писалъ самоучкой ясно, просто, гладко, коротко и даже довольно–сильно. Если бы вы увидѣли его, какъ онъ робко и несмѣло подавалъ предсѣдателю для подписи бумаги своего письма, и если бы иногда прочитали одну изъ бумагъ этихъ, то изумились бы видимой, наружной противоположности сочинителя и сочиненія. Но Евсей писалъ такъ же смѣло, какъ думалъ про себя, а въ–слухъ выговорить не осмѣлился бы и сотой доли того, что писалъ. При всемъ этомъ онъ не требовалъ и не ожидалъ отъ другихъ такой же грамотности: съ неимовѣрнымъ благодушіемъ читалъ и понималъ онъ донесеніе исправника, что «такой–то противозаконно застрѣлился, отъ чего ему,

отъ неизвѣстныхъ причинъ приключилась смерть; а при освидѣтельствованіи оказалось: зубы частію найдены близь науличнаго окна, прочія жь челюсти какъ–будто изъ головы вовсе извлечены и находятся на отверстіи лба; потолокъ, на второй половицѣ, простреленъ дырою, имѣя при дѣйствіи своемъ напряженіе на сѣверъ, ибо комната эта имѣетъ расположеніе при постройкѣ на востокъ», или что «такой–то, ѣдучи на телегѣ по косогору, при излишнемъ употребленіи горячихъ напитковъ, спотыкнулся и отъ нескромности лошади былъ разбитъ», что «такой–то, отъ тяжкихъ побоевъ, не видя глазами зрѣнія, впалъ въ безпамятство», «что въ такомъ–то уѣздѣ, статистическихъ свѣдѣній не оказалось никакихъ, о чемъ и имѣетъ счастіе всепочтительнѣйше донести» — и прочая, и прочая, и прочая; все это, а иногда и хуже того, читалъ Евсей и понималъ по–навыку; никогда въ–слухъ не жаловался на безсмыслицу, но думалъ только иногда про себя, если не могъ вовсе добиться толка, а принужденъ былъ, не

.

перекладывая такихъ рѣчей и оборотовъ на русскій языкъ, держаться однихъ безсмысленныхъ словъ и передавать ихъ въ этомъ же видѣ и порядкѣ, думалъ только иногда: «Создатель мой! для–чего люди не пишутъ за–просто, какъ говорятъ, а выбиваются изъ силъ, чтобы исказить и языкъ и смыслъ? почему и за что проклятіе безграмотства доселѣ еще тяготѣетъ на девяти–десятыхъ письменныхъ, и какъ это объяснить, что люди, которые говорятъ на словахъ очень–порядочно, иногда даже хорошо, по–крайней–мѣрѣ чистымъ русскимъ языкомъ, и разсуждаютъ довольно–здраво, какъ будто перерождаются принимаясь за перо, пишутъ безтолочь и безсмыслицу, не умѣютъ связать на бумагѣ трехъ словъ и двухъ мыслей, и ни за какія блага въ мірѣ не могутъ написать самую простую вещь такъ, какъ готовы во всякое время пересказать ее на словахъ? Почему это общій нашъ недостатокъ, что мы пишемъ гораздо–хуже, чѣмъ говоримъ, и исключенія изъ этого общаго правила такъ рѣдки? Отъ–чего не только люди маленькіе

и темные, а порядочные, неглупые и дѣловые, не только засѣдатели, которыхъ Богъ проститъ, а на примѣръ и самъ даже»... Евсей оглянулся и продолжалъ думать тише прежняго, а что — неизвѣстно; голова его сомкнулась и мысль замерла въ ней, какъ дерзкая мошка въ цвѣткѣ недотрогѣ.

Намъ однакоже за отрывистыми и уносчивыми думами Евсея Стахѣевича не угоняться; остается только еще сказать, сверхъ всего, о чемъ мы уже знаемъ, что бѣднаго Евсея преслѣдовала, казалось, съ давнихъ временъ какая–то невидимая вражья сила. Евсей такъ къ этому привыкъ, что уже никогда не ровнялъ себя въ этомъ отношенiи съ прочими людьми, считалъ себя какимъ–то пасынкомъ природы и съ покорностiю подставлялъ повинную свою мечу и сѣкирѣ: но тогда мечъ и сѣкира щадили его и дѣло принимало обыкновенно болѣе–смѣшной, забавный оборотъ. — Есть же такiе бѣдовики–неудахи на свѣтѣ! Мелочныя отношенiя суетной жизни, обычаевъ, обрядовъ и приличiй безпрестанно сталкивались съ Евсеемъ —

или онъ съ ними — локоть объ локоть и выбивали его изъ привычной колеи. Губернаторъ любилъ его какъ работящаго, дѣловаго чиновника, употреблялъ его не рѣдко, когда онъ, Лировъ, служилъ еще въ губернскомъ правленіи; но и этотъ начальникъ не понималъ его и, слѣдовательно, не могъ оцѣнить. Вотъ одно происшествіе, относящееся также къ числу неудачъ нашего Евсея. Лирову однажды было поручено слѣдствіе; онъ его кончилъ совѣстливо; разобралъ и очистилъ пресложное, запутанное дѣло и ждалъ спасиба. Но пронырливые ходатаи успѣли понаушничать напередъ, оборотить его начальника лицомъ въ лѣсъ, а затылкомъ въ чистое поле, и Лировъ, воротившись и пришедши съ донесеніемъ, встрѣтилъ угрюмое чело, въ которомъ одна знакомая ему продольная морщина, проходя косвенно къ правой брови, показывала неудовольствіе. Оно такъ и вышло. Лировъ, чувствуя себя въ полной мѣрѣ правымъ и собравшись съ необыкновеннымъ духомъ, сказалъ: «позвольте мнѣ объясниться: отношенія мои къ вамъ всегда были доселѣ

самыя откровенныя; я имѣлъ счастіе пользоваться.»... «Какія отношенія, сударь?» спросилъ начальникъ, приподнявъ густыя брови на цѣлый вершокъ: «какія, сударь, отношенія? Я думаю рапорты!»... И бѣдный Евсей, вздохнувъ и прикусивъ языкъ, замолчалъ, не оправдывался, не объяснялся, и вовсе даже не удивлялся этому неожиданному обороту отношеній своихъ къ начальнику; казалось, Евсей былъ готовъ всегда и во всякое время услышать это, или что–нибудь подобное. Этотъ случай разсказалъ я для примѣра, какъ судьба играла обыкновенно Лировымъ, и подобная удача ожидала его на каждомъ шагу.

Между–тѣмъ, предсѣдатель гражданской палаты вїходилъ Лирова себѣ; здѣсь также все шло довольно–хорошо; Евсей былъ счастливъ, какъ вдругъ случилось вотъ что: гражданская палата, по малому числу дѣлъ, была соединена съ уголовною, какъ и донынѣ, напримѣръ, въ Астрахани; по–этому Лировъ былъ уволенъ въ отставку, съ выдачею ему

единовременнаго годоваго оклада жалованья.

Лировъ носился мыслями Богъ–вѣсть–гдѣ, но сидѣлъ уже цѣлую недѣлю послѣ отставки въ Малиновѣ и незналъ, на что рѣшиться. Въ такомъ положенiи были дѣла, когда дворянскiй предводитель далъ вечеръ, по случаю избранiя его на второе трехлѣтiе, — и предводитель созвалъ весь городъ, и въ томъ числѣ и отставнаго чиновника гражданской палаты.

И онъ явился, и сталъ скромненько въ углу, и опять, по всегдашней привычкѣ своей, молчалъ и обходилъ взорами кругльмъ все собранiе, и раскланивался и думалъ про себя такъ:

«Сошлись всѣ въ одно мѣсто или съѣхались, — потому–что въ Малиновѣ ходятъ пѣшкомъ только прачки и кантонисты — съѣхались въ одно мѣсто, а глядятъ врознь. Да, люди — это настоящее китайское сложи да подумай (casse–tSte)! Казалось бы, и не мудрено сложить да пригнать полдюжины треугольничковъ, четыреугольничковъ — да нѣтъ: уголъ за уголъ задѣваетъ, ребро попадаетъ на

ребро — не укладываются! Горе да и только!» Потомъ Евсей, у котораго, какъ у всѣхъ чудаковъ этого разбора, мысли и думы метались иногда съ предмета на предметъ, безъ всякой видимой связи или сношенія, вздохнулъ, окинулъ глазомъ собраніе и еще подумалъ: «давно сказано, что въ лицѣ и складѣ каждаго человѣка есть сходство съ какимъ–нибудь животнымъ; но и по душѣ, по чувствамъ, по норову и нраву, всѣ мы походимъ на то, либо другое животное. Вотъ, напримѣръ, лошадь; коли кормишь ее овсецомъ, да коли кучеръ строгъ, работаетъ хорошо, везетъ; но лягается, если кто неосторожно подойдетъ, и обмахивается отъ мухъ и мотаетъ головой. Вотъ лягавая собака: знаетъ немного по–французски, боится плети, и поноску подаетъ, и чуетъ верхнимъ чутьемъ и рыскать готова до упада; вотъ — мое почтеніе!» сказалъ Евсей нижайше откланиваясь: «мое почтеніе, Петръ Петровичь», и думалъ про себя: «вотъ кошка! гладокъ, мягокъ, хоть ощупай его кругомъ, кланяется всѣмъ, даже и мнѣ, гибокъ и увертливъ, ластится и увивается, и

сладко разсуждаетъ хвостомъ — а когти въ рукавицахъ про запасъ держитъ.... А вотъ борзой: ни чутья, ни ума, ни разума, а какъ только возрится, да увяжется, такъ уже не уйдешь отъ него на чистомъ полѣ, развѣ только въ лѣсъ: тамъ ударится объ пень головою да остановится. А вотъ настоящій быкъ: дороденъ, доволенъ и жвачку жуетъ, а работаетъ, словно возъ сѣна претъ, пьетъ по цѣлому чану въ разъ.... А вотъ это хомячокъ: то и дѣло въ свое гнѣздышко, въ норку, запасецъ таскаетъ; все чтѣ ни попало — въ норку, да и самъ юркнулъ туда же, и слѣдъ простылъ. А вотъ и коршунъ — это сущая гроза бѣдныхъ: ни курица, ни утица не уйдутъ отъ него на мужицкомъ дворѣ — видитъ зорко и стережетъ бойко — это коршунъ... А это — скопа, иначе назвать его не умѣю; скопа онъ за то, что хватаетъ все и гдѣ ни попало и съ земли, и съ воды, и рыбу и мясо, гдѣ чтѣ найдется. Можно даже, подумалъ Евсей, взять одинъ извѣстный родъ или видъ животныхъ, богатый породами, и сдѣлать такое же потѣшное примѣненіе, напримѣръ — не во гнѣвъ сказано, или подумано — собаку. Вы

найдете въ числѣ знакомыхъ своихъ: мосекъ, меделянскихъ, датскихъ собакъ, ищейныхъ или гончихъ, найдете мордашекъ, которыя цѣпляются въ васъ не на–животъ а на̀ –смерть; таксика или барсучью, которая смѣло лѣзетъ во всякую норку и выживаетъ оттолѣ все живое; найдете дворняшекъ, псовыхъ, волкодавовъ, шавокъ и наконецъ матушкиныхъ сынковъ, тонкорунныхъ болонокъ, а лягаваго и борзаго мы, кажется, уже нашли: вотъ они, одинъ причуваетъ что–то, раздуваетъ ноздри, другой скучаетъ, застоялся, сердечный, а гону нѣтъ.» Евсей Стахѣевичь повелъ глазами по красному углу, по казовому концу гостиной, гдѣ малиновскія покровительницы сіяли и блистали шелкомъ, бронзой, золотомъ, тяжеловѣсами и даже алмазами, и еще подумалъ про себя: «А женскій полъ нашихъ обществъ, цвѣтъ и душу собраній надобно сравнивать только съ птицами; женщины также нарядны, также казисты, также нѣжны, легкоперы, вертлявы и голосисты. Напримѣръ, вообразимъ, что

это все уточки, и посмотримъ, къ какому виду этого богатаго рода принадлежитъ каждая: предсѣдательша наша — это кряковная утица, крякуша, дородная, хлѣбная утка; прокурорша — это широконоска, цареградская или такъ–называемая саксонка; вотъ толстоголовая, бѣлоглазая чернеть, и вотъ — чернеть красноголовая; вотъ докучливая лысуха, которая не стѣитъ и заряду; вонъ крахаль хохлатый, вонъ и гоголь, рыженькій зобокъ; вонъ остроносый нырокъ, или за–просто поганка; вонъ красный огневикъ, какъ жаръ горитъ и водится, сказываютъ, въ норахъ, въ красной глинѣ; а это — свистуха, и носъ у нея синій; а вотъ и вертлявая шилохвость!

«Ну, а барышни наши? все равно, — и это уточки; вотъ, на–примѣръ, рябенькій, темнорусый чирочикъ; вотъ золотистый чирокъ, въ блесточкахъ; вотъ миленькая, крошечная грязнушка, а вотъ луточекъ бѣленькій, шейка тоненькая, съ ожерельемъ самороднымъ, чистенькій, стройный, красавица–уточка; вотъ къ ней подходитъ и селезень, который за всѣ побѣды и удачи

свои обязанъ гладенькимъ крылышкамъ, да цвѣтнымъ зеркальцамъ, которыми судьба или наслѣдство его надѣлили. Онъ беретъ грудью, какъ соколъ, потому–что независимо отъ вишнево–лиловаго фрака, жилетъ его, неизъяснимаго цвѣта, новаго, какого нѣтъ въ составѣ луча солнечнаго, и палевые къ нему отвороты и серебряныя пуговочки съ прорѣзью составляютъ главнѣйшія наступательныя орудія разудалаго хвата. Конечно, задорный вихлъръ, и расчищенныя по головѣ дорожки и изящная повязка бахромчатаго ошейника немало способствуютъ успѣхамъ его; но — побѣдоносный знаетъ неодолимую силу своей жилетки, и по–этому ходитъ обыкновенно по заламъ — видите, какъ теперь, — заложивъ большіе персты обѣихъ рукъ за окраины рукавныхъ жилеточныхъ прорѣхъ и придерживая очень–искусно шляпу свою правымъ локоткомъ. Молва идетъ, что онъ и умывается даже въ перчаткахъ. И съ какимъ самоотверженіемъ и душевнымъ удовольствіемъ подаетъ онъ дружески руку свою, всегда первый, если, какъ теперь, встрѣчается съ человѣкомъ въ

чинахъ и въ крестахъ! Это не то, чтъ, на–примѣръ, Иванъ Ефимовичь, совѣтникъ уголовной, тотъ всегда не довѣряетъ, кажется, и пріятелю, и глядитъ какимъ–то слѣдственнымъ приставомъ и протягиваетъ руку словно пистолетъ, вотъ этакъ....» Евсей Стахѣевичь, – забывшись, вдругъ протянулъ руку свою, какъ протягиваетъ ее Иванъ Ефимовичь, и пырнулъ въ бокъ проходящаго со всего разгону лакея, съ огромнымъ подносомъ. Лакей повихнулся, едва не уронилъ подноса, съ удивленіемъ и недоумѣніемъ взглянулъ на Евсея Стахѣевича, который препочтительно передъ нимъ раскланивался и извинялся.

«Съ такими странностями мудрено служить въ губерніи» сказалъ какой–то острякъ въ полголоса: «надобно ѣхать въ столицу себя показать и на людей посмотрѣть». Евсей слышалъ это; нисколько не думая сердиться, онъ повторилъ про себя: «въ столицу?» и новая мысль блеснула молніей въ замысловатой головѣ его. «Въ столицу?» подумалъ онъ: «въ столицу – нѣтъ, совсѣмъ не для того, чтобы чудаку или бѣдовику было мѣсто въ

столицѣ, а такъ, просто, какъ ѣздятъ туда и живутъ тамъ другіе люди. Что, если бы я съѣздилъ и нашелъ тамъ мѣстечко? Что, если мнѣ тамъ повезетъ, если найду могучаго покровителя!.... Вѣдь я теперь вольной казакъ, единовременнаго жалованья на прогоны станетъ — что если бы?...» Между–тѣмъ малиновскіе молодцы отплясали уже не одну французскую, охорашивались однакожь еще и выправляли плеча, между–тѣмъ какъ дѣвицы, которыя, какъ вы знаете, всегда и вездѣ милы и любезны, стояли мохровыми пучечками и прохаживались сплетаясь цвѣтистыми, пестрыми вѣночками. Не ужели жь, спросятъ можетъ быть, кромѣ дѣвицъ, которыя такъ милы и любезны, всѣ прочіе жители и служители Малинова были одни животныя, какими писало ихъ своенравное воображеніе Лирова? Совсѣмъ нѣтъ, друзья; дѣло въ томъ, что у насъ у всѣхъ, не только у малиновскихъ жителей, свои причуды, странности, недостатки и пороки, у одного болѣе, разумѣется, у другаго менѣе. Если вы, вошедши на этотъ разъ въ составъ китайской игры, о которой я

упомянулъ, усаживаясь и размѣщаясь, попадете на бѣду локтемъ на локоть, упретесь колѣномъ въ колѣно, ребромъ въ ребро, — ну, тогда бѣда: сосѣди ваши для васъ не годятся, какъ и вы для нихъ; а нѣтъ сомнѣнія, что можно бы размѣстить всѣхъ насъ и такъ, чтобъ углы за углы не задѣвали. Едва ли есть такой негодяй на свѣтѣ, которому бы не было приличнаго и сроднаго ему мѣста. Возьмите людей съ одного конца, посмотрите на нихъ съ извѣстной точки — всѣ негодяи, всѣ животныя, одинъ меньше, другой больше. Подойдите съ другаго конца, разсмотрите съ иной точки, — всѣ — люди, а иные, право, люди очень–порядочные. Что же, наконецъ, собственно до дѣвицъ, то это статья иная: Евсей Стахѣевичь, при всей видимой неловкости и нелюдкости своей, кой–на–что наглядѣлся и кой–до–чего додумался. Онъ былъ того мнѣнія, что дѣвицы всѣ милы, всѣ любезны, потому собственно, что онѣ дѣвицы, что на нихъ смотрѣть должно вовсе съ иной точки зрѣнія и на одну доску съ другими людьми не ставить. Почему? Потому–что онѣ —

ундины, а свойства и качества придутъ со временемъ, когда придетъ душа. Вотъ какой чудакъ былъ нашъ Евсей! Но онъ слышалъ или читалъ гдѣ–то финскую, либо шведскую пословицу, которую припоминалъ часто, и никакъ не могъ выбить изъ головы, хотя она нерѣдко ему досаждала. Пословица эта гласитъ: «Всѣ дѣвушки милы, всѣ добры; скажите жь люди добрые, отколь берутся у насъ злыя жены?» А въ–самомъ–дѣлѣ, господа, откуда берутся у насъ злыя жены?

Поймавъ вовсе новую для него доселѣ мысль о возможности поѣздки и службы въ столицѣ, гдѣ въ мечтахъ открывался ему новый міръ, Лировъ уже не разставался съ нею во весь вечеръ, и на что бы онъ ни глядѣлъ, и чтобы онъ ни говорилъ, а думалъ все одно и объ одномъ. Когда же наконецъ знаменитый съѣздъ кончился, пыльныя лица, мутныя съ поволокой очи, усталыя ноги, расклепавшіяся прически и помятыя кружева и блонды стали убѣдительно проситься домой, на отдыхъ, Лировъ накинулъ плащъ свой на изнанку, забылъ и оставилъ въ прихожей калоши и

подумалъ про себя: ѣду. Слово «ѣду» отозвалось такъ ясно и положительно во всемъ составѣ тѣла Евсея Стахѣевича, что онъ, испугавшись, оглянулся кругомъ; но, по–видимому, слово это сказано было не въ–слухъ, или гостямъ было не до него: всѣ озабочены были одѣваньемъ и обуваньемъ; отрывистымъ тонкимъ голосочкамъ: «мой салопъ», «вашъ клокъ», «платокъ», вторили теноромъ и басомъ: «шинель», «плащъ», «калоши»; лакеи у подъѣзда звонкимъ голосомъ запѣвали: такого–то карету! На улицѣ, то тутъ, то тамъ подхватывали: здѣсь! — А между–тѣмъ уже кучера и выносные рѣзко и зычно кричали и заливались, отгоняя въ потьмахъ быстроногихъ пѣшеходовъ изъ–подъ лошадей. Спокойной ночи!

ГЛАВА 3.

ЕВСЕЙ СТАХѢЕВИЧЬ ПОДМАЗАЛЪ ПОВОЗКУ.

Намъ надобно познакомиться теперь съ новымъ чудакомъ, который связанъ былъ съ Евсеемъ узами дружбы и службы: это Корней Власовъ Горюновъ, который за 80 руб., на монету, въ годъ, выговоривъ себѣ еще товара на двѣ пары сапогъ, да гльловы и подметки, служилъ Евсею Стахѣевичу вѣрою и правдою, какъ прослужилъ 25 лѣтъ въ какомъ–то пѣхотномъ полку. Корней ходилъ за бариномъ въ комнатѣ, варилъ ему щи да кашу, по воскреснымъ днямъ подавалъ и пирогъ, а иногда битки, которые выучился готовить въ походахъ, по недостатку поварскаго стола, на любомъ колесѣ, и шинѣ полковаго обоза. — Корней ѣздилъ за кучера, какъ самъ онъ выражался, стиралъ и бѣлье, и отмѣчалъ сверхъ–того мѣлкльмъ подъ пльлкой всѣ расходы и приходы барина своего, который, въ этомъ отношенiи, былъ совершенно–безграмотенъ и вѣрилъ всегда Власову на слово, когда этотъ, пересчитавъ и похеривъ всѣ черточки свои по десяткамъ, приходилъ докладывать, что деньги всѣ и расходъ вѣренъ. И въ–самомъ–дѣлѣ, Корней

Горюновъ былъ въ одно и то же время честнѣйшій человѣкъ, благороднѣйшая душа, и плутъ и мошенникъ. Онъ скорѣе готовъ былъ прибавить свою гривну, если, никѣмъ неповѣряемый мѣловой счетъ подъ полочкой у него не сходился, чѣмъ утаить грошъ у барина своего; но обмануть посторонняго человѣка, обсчитать торговку, даже стащить что–нибудь на сторонѣ, при какой–нибудь крайней нуждѣ, въ пользу барина, этого онъ вовсе не считалъ за грѣхъ, не называлъ воровствомъ. Воръ и мошенникъ въ глазахъ его были люди презрѣнные, и Корней былъ бы готовъ полѣзть съ вами въ драку, если бы вы стали увѣрять его, что и онъ бывалъ когда–нибудь воромъ и плутомъ. Онъ самъ разсказывалъ, когда хвалился, что служилъ вѣрой и правдой, и родясь не обманывалъ начальниковъ своихъ, самъ разсказывалъ, что считалъ непремѣнною обязанностію украсть на дневкѣ деревянную ложку, или разбить горшокъ, если хозяинъ его дурно кормилъ. Но за–то, напротивъ, разговаривалъ онъ съ мужикомъ, у котораго былъ на постоѣ, и особенно съ

хозяйкою, чрезвычайно–вѣжливо, нерѣдко честилъ его вы и почтенный, если хорошо кормили, и тогда уже старался угодить и отблагодарить чѣмъ могъ; и если ложка эта была ему необходима, то онъ отправлялся за нею на другой конецъ села. Кого Корней признавалъ другомъ, пріятелемъ, товарищемъ, или начальникомъ своимъ, того берегъ и стерегъ пуще, чѣмъ себя–самого и свое добро; но за–то всѣхъ прочихъ признавалъ онъ непріятелями, въ военномъ смыслѣ, куда причитались нѣкоторымъ образомъ и всѣ чужіе и незнакомые ему люди. Съ этими–то понятіями согласовались и всѣ дѣйствія и поступки Горюнова.

Евсей Стахѣевичъ такъ привыкъ къ дядькѣ своему, что не могъ безъ него жить, и ничего не дѣлалъ, ни за что не принимался, не посовѣтовавшись напередъ съ Корнеемъ Власовымъ. И Корней Власовъ никогда не призадумывался, всегда совѣтовалъ и подкрѣплялъ совѣты свои поучительными примѣрами, и привыкъ держать барина своего въ рукахъ, хотя ни онъ, ни самъ баринъ этого не замѣчали.

Вотъ почему необыкновенная рѣшимость Евсея Стахѣевича, которая, казалось, низошла на него вчера вечеромъ какимъ–то наитіемъ, поколебалась; онъ почувствовалъ, что надобно сперва посовѣтоваться съ Корнеемъ Власовымъ, который тогда только безпрекословно соглашался съ предположеніями барина своего, когда они непосредственно относились къ уменьшенію расходовъ и сбереженію барской казны; въ противномъ случаѣ Корней Горюновъ объявлялъ безъ обиняковъ, что это «пустяки, сударь» и подкрѣплялъ рѣшительный отказъ свой присказками и разной бывальщиной. Такъ онъ недавно еще не пустилъ барина своего на какую–то загородную пирушку или гулянье, куда былъ приглашенъ и Лировъ, не пустилъ, потому–что и это также были «пустяки», на которые требовалось изъ казны вѣдомства Корнея пять рублей. Власовъ въ–продолженіе шестилѣтней службы своей при Лировѣ, могъ бы, казалось, убѣдиться, что баринъ его не только никогда не пьетъ лишней рюмки вина, но что обыкновенно не пьетъ его вовсе; не смотря однако же на

это, Горюновъ всегда увѣщевалъ барина своего не пить, понималъ слова «гулянье», «пирушка», «вечеръ», по–свѣ̂ему и говорилъ: «чтѣ̂ толку въ гуляньѣ этомъ? только что деньжонки разсоришь, а тамъ еще завтра и голову разломитъ, а надо идти на службу.» Такъ разсуждалъ Горюновъ и тотчасъ же подводилъ примѣры: вотъ у насъ въ полку былъ такой–то и сдѣлалъ то–то, и прочее. Если же самому Власову, раза два, три въ годъ, дѣйствительно случалось погулять, то онъ винился уже безпрекословно, и вслѣдъ за тѣмъ предлагалъ барину своему повеселиться съ товарищами и пріятелями, увѣряя, что денегъ еще довольно, а треть на исходѣ, и скоро будутъ выдавать жалованье. Корнею нужды мало до того, что баринъ его, во всѣ шесть лѣтъ службы при немъ Корнеѣ, не веселился съ товарищами и пріятелями ни одного раза; что онъ никогда не бывалъ на попойкахъ и велъ, безъ всякаго принужденія, самую трезвую и воздержную жизнь: Корней обо всемъ держался своихъ понятій и думалъ: «ну, благодаря Бога, вчера не пилъ и ныньче не пьетъ, а что

завтра будетъ – Богъ–вѣсть!» Когда же Лировъ журилъ порядкомъ старика, даже и за то, что этотъ изрѣдка погуливалъ, журилъ и спрашивалъ: «какъ же ты въ полку служилъ Власовъ? не уже ли ты и тамъ также пилъ?» и на отвѣтъ: «всяко бывало» продолжалъ: «да какъ же ты, старый хрычь, не боялся? вѣдь тамъ бьютъ за это?» – то Корней Горюновъ объяснялъ безстрашіе свое такимъ образомъ: «первую выпьешь – боишься; вторую выпьешь – боишься; а какъ третью выпьешь, такъ и не боишься.»

Но у Корнея Власова была еще одна слабость, на которую Евсей Стахѣевичь при нынѣшнемъ предпріятіи своемъ крѣпко надѣялся: страсть къ походамъ и разъѣздамъ. Корней не любилъ засиживаться на одномъ мѣстѣ, и въ былое время охотно снаряжалъ барина своего въ путь изъ уѣзда въ уѣздъ, а наконецъ и въ губернскій городъ. Рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ гдѣ лучше – это была любимая поговорка Горюнова; мы слава Богу, не мужики, не приросли къ землѣ да къ избѣ, а видывали свѣту, не только что въ окнѣ!

По–этому Евсей предложилъ ему смѣло и прямо умыселъ свой, и вотъ какимъ образомъ и съ какимъ успѣхомъ.

Лировъ. А чтѣ, Власовъ, поѣдемъ въ столицу!

Власовъ. Куда, сударь? Въ Питеръ? Извольте, поѣдемъ; извѣстно, человѣкъ ищетъ гдѣ глубже.... тово, рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше. А знатный городъ! ужь сущая, сударь, столица; сказать что столица! Мы и сами ѣздили съ покойнымъ бариномъ, какъ послѣдніе четыре года службы жилъ я въ деньщикахъ, такъ стояли мы тамъ въ Питерѣ, по набережной; вотъ этакъ мы, а вотъ этакъ прочіе господа.

Лировъ слышалъ только «въ Питеръ», а болѣе ничего не слыхалъ. Одно слово это сбило его съ пути и съ лада; онъ по привычкѣ своей пустился думать и позабылъ уже о чемъ было–заговорилъ; а Власовъ, которому обычай барина не мѣшать старику разговаривать чрезвычайно нравился, Власовъ долго продолжалъ разговоръ свой одинъ.

«Въ Питеръ» подумалъ про себя Евсей, стараясь доискаться, почему слово это такъ озадачило его, и наконецъ опомнился и успокоился, когда сообразилъ, что онъ о Питерѣ и не думалъ, а думалъ только о Москвѣ. «Въ Питеръ! почему же не такъ? А развѣ въ Питерѣ» спросилъ онъ Власова, «развѣ тамъ лучше, чѣмъ въ Москвѣ?»

— Какъ же, сударь, не лучше! Въ Москвѣ только–что купцы богатые живутъ, да дворяне, а въ Питерѣ всѣ большіе господа. Да и лавочки, на–примѣръ, въ Питерѣ мелочныя и овощныя лавки почитай–что въ каждомъ домѣ есть, и все что угодно, все найдешь; дальше угла и неходи, и пожалуй еще все на фатеру тебѣ принесутъ; а въ Москвѣ ужь этого нѣтъ; тамъ далече до всего, и все посылаютъ вишь въ городъ; а это, чтъ самая ни–на–есть Москва, это у нихъ стало–быть и не городъ.

«Да въ Питерѣ, говорятъ, трудно добиться до мѣста?»

— Отъ–чего трудно? пустяки! Вотъ у насъ въ полку майоръ вышелъ въ отставку, поѣхалъ — и ничего, и, слава Богу, живетъ.

Вотъ и капитана одного у насъ изъ полка перевели въ образцовый полкъ; какъ пріѣхалъ, такъ и опредѣлили его — и служитъ себѣ. Тамъ только обыкновенно, ужь извѣстно, коли пріѣдетъ кто, коли изъ военныхъ, такъ въ ордонансъ–гаузъ, къ коменданту отбираютъ подорожную, ужь тамъ ее и ищи; а коли изъ гражданскихъ, такъ туда, въ канцелярію генералъ–губернатора, тамъ ужь и будетъ.

«Я говорю, Корней, что въ Питерѣ нашему брату трудно добиться до чего–нибудь, коли не привезешь съ собою какихъ писемъ, да не заступится большой человѣкъ.»

— Да это, сударь, развѣ въ Москвѣ: тамъ ужь и самъ нашъ полковой аудиторъ сказывалъ, а онъ изъ писарей былъ пожалованъ, и сказать ужь что грамотный человѣкъ и свѣту повидалъ; такъ онъ, вишь, сказывалъ, что чужому человѣку въ Москвѣ нѣтъ и ходу; все одни племяннички, говоритъ, служатъ; и на мое, говоритъ, мѣсто опредѣлили какого–то цыганенка, аль калмыченка, что ли, что вышелъ отъ большихъ господъ; такъ и

опредѣлился, говоритъ, съ собаченкой, которая табакъ нюхала, такъ, говоритъ, нюхала, что бывало покою не даетъ, поколѣ ей не отсыплешь. Шавка, говоритъ, была, бѣлая вся.

Такой неожиданный оборотъ дѣла поставилъ Евсея въ крайне–затруднительное положенiе; онъ не зналъ, на что рѣшиться. Мысль объ одной Москвѣ уже вскружила ему голову, такъ что когда Корней подалъ щи да кашу, а Лировъ досталъ безъ всякой надобности часы изъ кармана и поглядѣлъ на нихъ, не замѣтивъ вовсе который часъ, то въ–слѣдъ за тѣмъ поднесъ было часы эти ко рту и едва не перекусилъ ихъ по поламъ, воображая, что держитъ въ рукахъ ломоть хлѣба. А теперь двѣ столицы, какъ два сказочныя видѣнiя, обѣтованные призрака, манили его на–право и на–лѣво, и обѣ таили подъ золотыми сводами и расписными потолками своими грядущую судьбу нашего добраго Евсея.

Разложивъ передъ собою карту и водя пальцемъ взадъ и впередъ между Питеромъ и Москвою, смотря по тому, куда

переносился мысленно, Евсей Стахѣевичь остановился, съѣздивъ уже разъ десятокъ взадъ и впередъ, на Твери; — взглянулъ влѣво, на Малиновъ, и опять уже, какъ это такъ часто съ нимъ случалось, напалъ на богатую мысль: онъ рѣшился выѣхать на Тверь, подумать дорьгою, сообразить дѣло въ Твери и своротить на–право, или на–лѣво, въ Москву, или въ Питеръ, по обстоятельствамъ. Рѣшено и сдѣлано, хотя впрочемъ и несовсѣмъ, какъ мы увидимъ это послѣ.

Вûходивъ согласіе и одобреніе Корнея Власовича, Евсей собрался и снарядился въ походъ. Когда пришлось ѣхать однакоже, то онъ разстался не безъ грусти — даже и съ Малиновымъ. Правда, у него оставался теперь тамъ одинъ только домъ, въ которомъ онъ былъ дома, а именно: собственное его жилище; семейство, къ которому онъ было–пріютился и привязался, оставило Малиновъ навсегда уже за нѣсколько передъ этимъ времени. Но Евсей, при всемъ томъ, уѣзжая навсегда изъ города, гдѣ жилъ нѣсколько лѣтъ, немножко призадумался. Если бы только, —

подумалъ онъ про себя тихонько, — если бы люди эти немножечко, чуть–чуть иначе; если бы не видѣть своими глазами на каждомъ шагу, какъ всякая правда живетъ подъ–часъ кривдою, да кабы они еще немножко поменьше сплетничали и надоѣдали и себѣ и другъ другу, — такъ можно бы и жить и служить съ ними; а этакъ, ей Богу, трудно. Былъ у насъ такой чиновникъ, что бралъ; нынѣшній, можетъ быть, и не беретъ, а все–таки правда — держится только на убѣдительныхъ доводахъ за подписью князя Хованскаго, и выходитъ одна только путаница, что ину пору не знаешь куда оборотиться, кому кланяться, кого просить и куда идти.

Такъ думалъ про себя Евсей и объѣхалъ, по способу малиновскихъ прачекъ и кантонистовъ, всѣ 38 домовъ, потому–что онъ кобылку свою уже продалъ. Онъ прощался со всѣми и благодарилъ всѣхъ чистосердечно и отъ души; а, прощаясь съ предсѣдателемъ своимъ, чрезъ силу перекусилъ и подавилъ упрямую слезинку. Правда, что прощаніе это и въ–самомъ–дѣлѣ кончилось

нѣкоторымъ образомъ плачевно: предсѣдатель изволилъ кушать чай на крыльцѣ въ холодкѣ, а Евсей, собираясь встать, все отодвигался со стуломъ своимъ назадъ, покуда наконецъ ни полетѣлъ, вмѣстѣ со стуломъ, тычкомъ и навзничь съ крыльца, передушивъ съ полдюжины поросятъ, которые въ Малиновѣ пользуются полной свободой и довольствуются подножнымъ кормомъ. — Предсѣдательша, впрочемъ, успокоила испуганнаго Евсея, въ то же время, сказавъ ему: «ничего, ничего, это не наши — это Пелагѣи Ивановны; и я давно ей говорила, чтобы она не распускала поросятъ своихъ по всѣмъ дворамъ и по цѣлому городу, а велѣла бы дворовымъ ребятишкамъ пасти ихъ по пустырямъ.» Перепетуя Эльпидифоровна, о которой упомянули мы выше, случилась тутъ же, въ–гостяхъ, и сдѣлала также съ своей стороны все, чтѣ могла, въ пользу нашего бѣдовикà : она совѣтовала ему, если хочетъ лечиться по Киліану, натереть ушибъ запросто пѣнникомъ, и тереть байкой до–суха; если же онъ болѣе довѣряетъ Енгалычеву, то

положить по равной части вина и уксуса и прибавить щепоть свинцоваго сахара.

ГЛАВА 4.

ЕВСЕЙ СТАХѢЕВИЧЪ ПОѢХАЛЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Евсей Стахѣевичъ, укладываясь и усаживаясь въ дорогу, былъ необыкновенно–досуженъ, толковъ и распорядителенъ, и заботился о вещахъ, которыя, бывало, лежали вовсе внѣ круга его заботъ. — «Не будетъ ли трястись?» спросилъ онъ у Власова: «крѣпко ли уложилъ ты съѣстной кузовокъ свой?» Власовъ тряхнулъ его раза два и съ замѣчаніемъ: «малое толико движеніе даетъ» — поставилъ опять на мѣсто, и приткнулъ съ–боку дорожнымъ, розовой лайки, кисетомъ своимъ, на которомъ изображенъ былъ какой–то вершникъ въ латахъ и гора горой, гьловы зрителей, съ подписью: Турнилъ. На художническомъ

произведенiи, на кисетѣ этомъ — не взыщите за отступленiе — употреблено было всуе имя одного почтеннаго московскаго жителя.

Перепетуя Эльпидифоровна, разсудивъ, что молодой человѣкъ можетъ пострадать по легкомыслiю своему и отъ небреженiя, прислала Лирову двѣ бутылки съ примочками. Власову, который отвѣдалъ и ту и другую, килiановская показалась гораздо–лучше; енгалычевская кисловата и вяжетъ ротъ. Килiановская, по мнѣнiю Власова, была родомъ изъ турецкой крѣпости Килiи; во уваженiе чего, онъ и нашелъ ей мѣсто, между кузовочкомъ и кисетомъ. Въ это самое время, Козьма Сергѣевичь Мукомоловъ вспомнилъ и разсказалъ супругѣ своей, заливаясь хохотомъ, какъ Евсей Стахѣевичъ поздравилъ его намедни съ именинами, объяснившись при–этомъ на–чистоту, что ему нѣтъ никакой нужды до чужихъ именинъ; и Перепетуя Эльпидифоровна въ ту же минуту послала Елеську бѣгомъ догонять посланнаго съ примочками Ваньку и воротить его. Но Елеська опоздалъ,

бутылки были уже вручены. Посланцы, и тотъ и другой, стояли, снявъ шапки, поотдаль отъ повозки Лирова и перешоптывались, не зная–какъ тутъ быть. Наконецъ рѣшились они просить Корнея Власовича возвратить имъ примочки. Горюновъ охотно отдалъ имъ енгалычевскую, но съ киліановскою разстаться не хотѣлъ, а потому и объявилъ, что она уже истерлась и почитай, вся. Перепетуя Эльпидифоровна разсуждала объ этомъ происшествіи очень–много, и разсказывала и трезвонила по цѣлому городу, между–тѣмъ какъ нашему бѣдному Евсею икалось отъ какой–то поганой окрошки уже за Вязьмой. Пелагѣя Ивановна, супруга командира гарнизоннаго батальйона въ Малиновѣ, прислала однакоже фельдфебеля своего еще въ–время: Евсей только–что заносилъ другую и послѣднюю ногу свою въ телегу. «Пелагѣя Ивановна приказала кланяться, велѣла просить цѣлковый за два искалеченные поросенка.» Не удивляйтесь этому: Пелагѣя Ивановна, какъ извѣстно цѣлому городу, не задолго до этого,

взъискала три рубля безъ вычета, на ассигнаціи, съ неосторожнаго сосѣда своего за хохлатую и мохноногую курочку, которую задушила его борзая. Лишь–только Евсей досталъ худощавый кошелекъ свой и запустилъ туда пальцы за цѣлковымъ, какъ запыхавшійся слуга дворянскаго предводителя, въ ливреѣ безъ шапки, подалъ, кланяясь и улыбаясь и желая счастливаго пути, вычищенныя въ лоскъ, старыя истоптанныя калоши, которыя Лировъ позабылъ намедни послѣ бала. Все то происходило на–счетъ выданнаго Евсею единовременно годоваго жалованья. Корней ворчалъ вслухъ, а все–таки нашелъ мѣсто и калошамъ, а именно: между кузовочкомъ, кисетомъ и примочкой. Наконецъ Корней Горюновъ влѣзъ на телегу, сѣлъ, перекрестился, надѣлъ шапку, ямщикъ свиснулъ, тряхнулъ возжами, и колокольчикъ зазвенѣлъ.

Всѣ жители Малинова, вдоль песчаной улицы, какъ значилась она на чертежѣ, или Вице–Губернаторской, какъ обыкновенно ее называли, ложились въ растворенныя окна и высовывались по самыя чресла,

чтобы посмотрѣть, кто поѣхалъ или пріѣхалъ. Кто не поспѣвалъ на зовъ колокольчика въ–время кѣ окну, или не могъ признать Лирова въ лицо, посылалъ тотчасъ же за справкою къ сосѣдямъ или на почту. Вице–губернаторъ совѣтовалъ супругѣ своей, которая ожидала въ это время сына въ отпускъ изъ арміи и очень, очень испугалась, нечаянно послышавъ колокольчикъ, совѣтовалъ–было послать за инспекторомъ врачебной управы; но она, то–есть вице–губернаторша, предпочла написать Перепетуѣ Эльпидифоровнѣ французскую записку, которую ни самъ Мукомоловъ, ни супруга его не могли разобрать, потому–что они оба вмѣстѣ и каждый порознь не знали ни слова по–французски. Перепетуя Эльпидифоровна, однакоже, съ помощію ближняго, дозналась, что вице–губернаторша проситъ к÷пель отъ испуга, и сама отвезла ей киліановы мятныя и Енгалычева эѳирныя капли. Мокрида Роховна, или Роговна, какъ ее обыкновенно звали, полу–Полька, супруга инспектора врачебной управы, узнала объ этомъ событіи, и при первомъ

случаѣ не оставила кольнуть, какъ вице–губернаторшу, такъ и въ–особенности лекарку, Мукомолову; эта сказала гдѣ–то въ оправданіе свое, что инспекторъ управы переморилъ уже болѣе людей, чѣмъ у него сѣдыхъ волосъ на головѣ, чтъ опять въ свою очередь дошло до Мокриды Роховны, и вотъ съ–чего обѣ дамы эти разошлись очень–нехорошо, такъ что, не говоря уже о бывалыхъ вечернихъ посѣщеніяхъ, полтора года сряду не почтили даже другъ друга визитомъ и помирились только по вновь–предстоящему рекрутскому набору. Кто загадки этой не понимаетъ, тому надобно напомнить, что Мукомоловъ — зажиточный помѣщикъ, а инспекторъ врачебной управы не послѣднее лицо при пріемѣ рекрутъ; въ нынѣшній наборъ, который на–бѣду случился вскорѣ послѣ ссоры дамъ, Перепетуя Эльпидифоровна дорого поплатилась: и очередные и подставные, всѣ съ забритыми затылками воротились во–свояси, и Козьма Сергѣевичь всѣхъ мужиковъ своихъ возилъ поочередно за полтораста верстъ на выборъ въ рекрутское присутствіе. Инспекторъ управы,

обрусѣвшій Венгерецъ, былъ одинъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ такъ–называемая голова была особеннаго устройства: гдѣ ѣдятъ — пошире, а гдѣ думаютъ — поўже; собственно жь голова его, не въ переносномъ, а въ прямомъ смыслѣ, заключалась, какъ у рака, въ желудкѣ. Не смотря на это однакоже, его, какъ мы это сей–часъ видѣли, на управленіе своею частію доставало.

Чтѣ подумалъ и заговорилъ Малиновъ о Евсеѣ Стахѣевичѣ по отъѣздѣ его? Евсей былъ невеликой спицей въ колесницѣ, все–таки отъѣздъ его изъ Малинова составляетъ нѣкоторымъ образомъ событіе, потому–что въ тѣсномъ кругу стѣсняются и мысли; политикой мои Малиновцы не занимались вовсе, за что я ихъ отъ души похвалю, а между–тѣмъ, каждый Божій день надобно жь было о чемъ–нибудь поговорить. Общаго во мнѣніяхъ и разговорахъ объ этомъ предметѣ было только то, что Евсей былъ всегда чудакъ; и это, безъ всякаго сомнѣнія, вина виноватая. Но къ этому прибавляли разные разное: начальникъ его сказалъ какъ–то, что Лировъ былъ хорошій

чиновникъ, но иногда забывался. Не знаю какъ понять это выраженіе: если отнести его къ забывчивости и разсѣянности Лирова, то и это нѣкоторымъ образомъ справедливо; если же почтенный начальникъ хотѣлъ намекнуть на недоумѣніе, возникшее когда–то по поводу отношеній и рапортовъ, то онъ опять–таки правъ, потому–что Евсей, видно, въ отношеніяхъ своихъ горько ошибался. Инспекторъ врачебной управы говорилъ, что это такой человѣкъ, съ которымъ нельзя ни связываться, ни знаться. Совѣтники поглядывали съ недоумѣніемъ другъ на друга и на подчиненныхъ, какъ–будто кого–то не доискивались; души, крещеныя въ чернилахъ, повитыя въ гербовой бумагѣ, молчали и, кажется, даже ничего не думали; мы отплатимъ имъ тѣмъ же. Только предсѣдатель гражданской палаты, служившій по выборамъ и уѣзжавшій теперь опять въ свои помѣстья, говорилъ: «да; еслибы я оставался на службѣ, я бы этого человѣка не упустилъ.» Для барынь, Евсей Стахѣевичь былъ — какой–то неловкій, темный молодой

человѣкъ, который самымъ неприличнымъ образомъ и безъ всякихъ обиняковъ бѣгалъ отъ партіи, то–есть не отъ виста, — къ этому уже привыкли и было много охотниковъ безъ него, — но отъ пары, отъ невѣстъ, а и пуще того отъ свахъ. Для дѣвицъ, которыя, какъ вы уже знаете, всегда и вездѣ очень сострадательны, Лировъ былъ какой–то жалкій молодой человѣкъ, но непротивный. Из всего этого вы ясно видите, что думы свои Лировъ берегъ, большею частію по–крайней–мѣрѣ, про себя и увезъ ихъ съ собою; иначе вѣроятно былъ бы онъ помянутъ не тѣмъ и не такъ.

Теперь когда мы уже знаемъ, чтѣ именно Малиновцы думаютъ о Евсеѣ Стахѣевичѣ и чтѣ думаетъ Евсей Стахѣевичъ о Малиновцахъ, можно послѣднихъ оставить на нѣсколько времени въ покоѣ и заняться опять первымъ. Я вамъ могу сказать приблизительно напередъ, по мѣстнымъ соображеніямъ, чтѣ между–тѣмъ сбудется и произойдетъ въ Малиновѣ. Единственный въ городѣ булочникъ, который пекъ сухари и такъ–называемый

французскій хлѣбъ, вскорѣ уѣзжаетъ, и потому оборотливое предпріятіе Перепетуи Эльпидифоровны — посадить въ Малиновъ своего хлѣбника, обучавшагося въ Москвѣ, увѣнчается полнымъ успѣхомъ; во–вторыхъ, новый чепецъ, или, если не ошибаюсь, наколка, которую выписываетъ вице–губернаторша прямо изъ Петербурга, дорогою растряслась, ящикъ разбитъ и наколка пріѣдетъ въ самомъ отчаянномъ положеніи: за это почтмейстершѣ не миновать разныхъ колкостей; тутъ же, не входя ни въ какія разбирательства и не принимая никакихъ отговорокъ, станутъ бранить въ глаза и за глаза губернскаго почтмейстера или, чтъ еще основательнѣе, его супругу. А наконецъ, полицмейстерша вѣроятно вскорѣ раззнакомится съ супругою перваго члена межевой конторы, по–крайней–мѣрѣ я такъ догадываюсь, судя по слухамъ, дошедшимъ до меня черезъ губернскую повивальную бабку, которая одарена въ высшей степени прозорливостію и соображеніемъ, и знаетъ многое, чего мы не знаемъ. Аптекарша наша не такъ основательна: заключенія и выводы

ея нерѣдко бываютъ опрометчивы, потому–что она все прикидываетъ на свой ревельскій аршинъ.

О поѣздкѣ Евсея, отъ Малинова до Твери, занимательнаго можно сказать немного: чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ московской большой дорогѣ, тѣмъ чаще доставалъ кошелекъ, тѣмъ дороже обходился ему каждый привалъ и перегонъ; а наконецъ, если не ошибаюсь, въ Борисковомъ, гдѣ прождалъ онъ часъ лошадей, не спросивъ ничего, кромѣ стакана воды, заплатилъ хозяйкѣ четвертачекъ за безпокойство. До самой Твери, потѣшливая судьба, казалось, потеряла изъ вида всегдашнюю игрушку и забаву свою, бѣднаго Евсея; но въ самой Твери она опять выслѣдила его, привела голоднаго и усталаго въ изрядную гостинницу и заставила съѣсть какой–то битокъ, который подается, сказываютъ, въ оберткѣ, заставила съѣсть его совсѣмъ съ бумажкой. Евсею никогда не случалось видѣть блюдо это; онъ привыкъ ѣсть сплошь и подрядъ все, чтî ему ни подавали, и заканчивать обыкновенно на

томъ блюдѣ, которое заставало его сытымъ; и еслибы котлетку эту подали не только въ оберткѣ, но даже въ корешкѣ и въ переплетѣ, то онъ вѣроятно искрошилъ, изрѣзалъ и съѣлъ бы ее такъ–же точно, какъ и теперь. Но случай этотъ заставилъ много хохотать притомныхъ свидѣтелей, нѣсколькихъ молодыхъ офицеровъ. Черезъ двѣ минуты вся дивизія, съ кіями, трубками и стаканами въ рукахъ, входила по–очередно изъ бильярдной и разсматривала заѣзжаго уѣзднаго чудака, который съѣлъ котлетку съ бумажкой. Подученный офицерами слуга, перемѣняя тарелку, объяснилъ Евсею съ лакейскою вѣжливостію и пріемами, что онъ изволилъ скушать бумажку; Евсей слушалъ его преспокойно, уставивъ на него выразительные, темные глаза свои и сказалъ только наконецъ: «Такъ сдѣлай милость, братецъ, подавай мнѣ, покуда я голоденъ, одно съѣдомое: бумагами сытъ не будешь; это я уже знаю давно.» Между–тѣмъ рядомъ, въ бильярдной, раздавалось только, сквозь шумъ и говоръ и хохотъ: 7 и 21, 9 и 25, — да остроты преусатаго корнета,

который замѣчалъ каждый разъ, когда билія не была сдѣлана: «а, этотъ широкъ въ плечахъ, не полѣзъ въ лузу!» Въ промежуткахъ же, то одинъ то другой, заглядывали опять въ боковую дверь, на уморительнаго чужестранца, не утомляясь одними и тѣми же чередными остротами, на–счетъ бумажной котлетки. Евсей почувствовалъ, что онъ какъ–то не въ своей тарелкѣ, опомнился и разсудилъ, что ему въ Твери искать вовсе нечего, и велѣлъ закладывать.

По московской дорогѣ въ лошадяхъ остановки не бываетъ никогда, даже и безъ подорожной, а платятъ тогда только, вмѣсто восьми, по десяти копеекъ съ версты и съ лошади; но староста спросилъ Корнея Власова, куда ѣхать? потому–что изъ Твери лежатъ въ разныя стороны шесть почтовыхъ дорогъ, и чередныя права ямщиковъ требуютъ этого свѣдѣнія. Горюновъ, ни на одну минуту не призадумавшись, отвѣчалъ: «Куда? Разумѣется въ Питеръ.» Староста оборотясь къ ямщикамъ сказалъ: на Мѣдно»; повозку заложили, Евсей сѣлъ и

поѣхалъ, и тогда только вспомнилъ, что онъ изъ–за бумажной котлетки, которая столько ему досадила, не опомнился еще и не успѣлъ рѣшиться, ѣхать ли въ Москву, или въ Петербургъ. На вопросъ его «куда же мы поѣхали?» Власовъ отвѣчалъ такъ–же спокойно, какъ и прежде: «Куда? Разумѣется что въ Питеръ», — и Евсей замолчалъ, рѣшась предоставить участь свою судьбѣ и Корнею Горюнову.

—

ГЛАВА 5.

ЕВСЕЙ СТАХѢЕВИЧЬ ПОѢХАЛЪ ВЪ МОСКВУ.

Лировъ въ–первые ѣхалъ по московской дорогѣ и испыталъ почти–всю тягость своевольныхъ и крайне–безтолковыхъ ямщичьихъ обычаевъ и условныхъ постановленій, — почти–всю, потому–что Лировъ ѣхалъ на перекладныхъ, а слѣдовательно нельзя было ни впрягать лишнихъ лошадей, ни, обступивъ толпою коляску, отвертывать и раскачивать винты и

гайки, чтобы потомъ указать барину: «вотъ тутъ у васъ видно винтъ–этъ потерянъ» — и заставить заплатить цѣлковый за ту же самую, перекаленную только въ огнѣ, гайку.

Неопытному ѣздоку на московской большой дорьгѣ бѣда: дорьга эта — преддверье обѣихъ столицъ; мужики и ямщики на этомъ огромномъ распутьи сдѣлались уже какими–то прощелыками и мастерски обираютъ и осударивають проѣзжихъ. Даже весь порядокъ на ямàхъ, эти запутанныя очереди или круга, какъ называютъ ихъ ямщики, потомъ безконечные споры, крикъ, шумъ, жереби, кусанные и мѣченные гроши и мѣрянье по постромкамъ, передача, или столь извѣстные слазы, которые состоятъ въ томъ, что при каждомъ колокольчикѣ сбѣгаются десятка два–три ямщиковъ, и, рѣшивъ послѣ долгаго спора, за кѣмъ очередь, начинаютъ торговаться, продавать и покупать сѣдока — все это можетъ истощить терпѣніе самаго кроткаго и миролюбиваго человѣка. Покуда безконечныя сдѣлки и продѣлки эти не

кончились, вамъ лошадей нѣтъ, хотя ихъ на яму можетъ быть стоѐтъ до сотни троекъ; при каждомъ пріѣздѣ и на каждой станціи открываются при васъ снова эти торги и переторжки, и тутъ уже не дѣйствуютъ ни просьбы ваши, ни угрозы, ни даже волшебное въ другихъ обстоятельствахъ «на водку», потому–что покуда нерѣшено еще кому ѣхать, никто гривенникомъ вашимъ не прельстится. Его взять возмутъ, но дѣло отъ–того впередъ не подвинется. Спрашивайте сто разъ старосту, и его не выдаютъ; онъ стоитъ тутъ же, — въ этомъ вы можете быть увѣрены, — и кричитъ громче всѣхъ; но вамъ отвѣчаютъ, что онъ пошелъ наряжать ямщиковъ и что его нѣтъ. Смотрители не хотятъ, да и не могутъ совладать съ этими нахальными горлодраями и не имѣютъ обыкновенно никакого на нихъ вліянія. Прибавьте къ этому еще, что у нихъ идутъ всегда какія–то двѣ очереди вдругъ, и есть, кромѣ того, какой–то вольный, передаточный кругъ, отъ котораго васъ да избавитъ Богъ, — и вы согласитесь, что это безтолковщина и путаница въ высшей степени.

Евсей Лировъ попадалъ въ ловушку на каждомъ шагу, не смотря на всѣ старанія и хлопоты Корнея Горюнова, который наконецъ уже и самъ выбился изъ силъ, спасовалъ и пошабашилъ, потому, какъ увѣрялъ онъ, что не военному и еще не по казенной надобности — ѣздить не годится. Евсея передавали съ рукъ на руки, торговались и продавали на каждой станціи, послѣ каждаго перегона съизнова, рядились всегда до какого–нибудь гърода, вымаливали и выманивали хотя половину прогоновъ напередъ, чтобы его не безпокоить ночью къ разсчету, а послѣ заставляли уплачивать сверхъ прогоновъ всѣ привѣски и недовѣски, которые по взаимнымъ разсчетамъ скоплялись на послѣднюю станцію, и, увѣряя нахально въ глаза, что это было по ряду и въ уговорѣ, не везли дальше, между–тѣмъ какъ тотъ, съ кѣмъ Евсей рядился, покинулъ его на томъ же мѣстѣ, продалъ, взялъ слазу, и послѣ того смѣнилось уже на томъ же основаніи пять или шесть человѣкъ.

Такимъ образомъ Евсей Стахѣевичь наконецъ добился до Чудова, за пять

только станцій отъ Петербурга, какъ вдругъ проняла его дрожь, когда прочиталъ онъ на столбѣ, что осталось всего 111 1/2 верстъ. Страшно было подумать нашему Евсею, что черезъ какіе–нибудь полсутки будетъ онъ въ столицѣ, въ этомъ вихрѣ, водоворотѣ, въ этомъ исполинскомъ смерчѣ кипучей жизни, гдѣ все и всѣ ему чужіе, всѣ — отъ перваго до послѣдняго. Куда тамъ пріютиться, какимъ путемъ начать искать мѣсто, куда, къ кому оборотиться?... «Стой!» подумалъ Евсей. «Надобно пособраться съ силами и съ духомъ, приготовиться да сообразиться: дѣла этого рода такъ не вершатся. Я думалъ ѣхать въ Москву, меня повезли въ Петербургъ, и я не успѣлъ еще опамятоваться.» И, покинувъ повозку свою у чудовскаго почтоваго дома и вѣрнаго стража, неизмѣнное копье свое при ней, отправился онъ пѣшкомъ — куда глаза глядятъ, пройдтись и подумать.

Корней Горюновъ выспался, потомъ всталъ, умылся, набилъ трубчонку свою, присѣлъ у подъѣзда, началъ преобширный разговоръ съ ямщиками и разсказалъ имъ

почти–всю службу свою, отъ начала и до конца. Началось тѣмъ, что слуга гостинницы спросилъ «гдѣ ночевали?» а Власовъ отвѣчалъ преспокойно и не оглядываясь: «подъ шапкой»; потомъ разговорились, за чѣмъ и куда ѣдутъ, и вотъ Корней Власовичь уже разсказываетъ слушателямъ своимъ, что прежнія времена не нынѣшнія...

Между–тѣмъ, однакоже, насталъ вечеръ, смерклось; Корней Власовъ давно уже покончилъ разсказы свои, а барина его нѣтъ. Стемнѣло вовсе — и Власовъ начинаетъ уже крѣпко безпокоиться: «это» говоритъ «дивное дѣло! о–сю–пору, хоть бы и потонулъ, прости Господи, гдѣ–нибудь, такъ бы ужь давнымъ–давно на воду всплылъ; а его все нѣтъ да нѣтъ! диковина да и только!»

Но диковина, какъ это почти всегда случается, объяснялась очень–просто. Евсей задумался тугою думой; пустившись по дорогѣ на–право, въ село Грузино, шелъ да шелъ, и все думалъ да думалъ. Ему какъ–то тѣсно стало на чужбинѣ; онъ вспомнилъ о семействѣ, къ которому–было

такъ привязался, сталъ припоминать все былое и минувшее, хотѣлъ забѣжать и заглянуть впередъ, чтѣ будетъ, чего ожидать, наткнулся мысленно опять на всегдашнюю участь свою, неблестящую, незавидную, и догадался, что онъ просто бѣдовикъ, которому видно на роду написано маяться и перебиваться до послѣдняго дня своей жизни. Хорошо, еслибы намъ дозволялось заглядывать такимъ образомъ иногда впередъ, въ конечныя страницы таинственной книги судебъ — хорошо, а можетъ быть и очень–худо, еслибы можно было иногда предугадывать назначенiе свое и участь; но какъ бы то ни было, а Лировъ думалъ, что завѣтная тайна передъ нимъ раскрылась, что ему почти нечего искать, нечего ожидать. Эту грустную думу донесъ онъ наконецъ до села Грузина, куда дошелъ безъ умысла, безъ намѣренья; но дошедши туда и оглянувшись, и услышавъ что это село Грузино — Евсею, согласитесь сами, можно было и подумать и призадуматься; у него въ головѣ стало тѣсно, въ груди душно. Уморившись до крайности, нашелъ

онъ, наконецъ, на обратномъ пути своемъ мужика, который его подвезъ до мѣста; и вотъ почему Лировъ явился въ Чудовѣ уже близко полуночи.

Около того же времени, приходитъ въ Чудово и петербуржскій дилижансъ. Когда Лировъ возвратился, два дилижанса, четыремѣстная карета и огромная шестимѣстная колымага стояли подъ крыльцомъ почтоваго дома, а ямщики закладывали. Погода была очень–тепла и хороша; мѣсяцъ на убыли взошелъ съ–часъ тому назадъ, и три женщины прогуливались взадъ и впередъ по–мимо крыльца, въ ожиданіи запряжки. Лировъ остановился рядомъ съ верстовымъ столбомъ, и отнынѣ, болѣе чѣмъ на четверть часа времени, у чудовой станціи стоялъ не одинъ, а два столба. Мы знаемъ уже обычай Лирова, созерцательную способность его — стоять и глядѣть во всѣ глаза, и думать про себя и больше ни о чемъ не заботиться; по–этому насъ два столба эти не удивятъ: ни тотъ, который стоитъ уже многіе годы въ неизмѣнномъ пѣгомъ кафтанѣ своемъ и не думаетъ, вѣроятно, ни о чемъ, — ниже

другой, въ черномъ сертукѣ, съ острыми карими глазами, который столько досаждаетъ и себѣ и другимъ всѣми странностями своими и затяжною думою.

Наконецъ мужчина среднихъ лѣтъ, со звѣздой, подошелъ звать барынь въ карету и взглянулъ при этомъ на пришатившагося сосѣда своего, на Лирова, такъ незастѣнчиво, что недоставало къ этому только вопроса: а тебѣ чего тутъ надобно? Потомъ, оборотясь къ попутчицамъ своимъ, спросилъ по–французски: «не попросить ли и его также въ карету?» Въ это самое время Корней Власовъ, не видя еще въ потьмахъ барина своего и приложившись съ отчаянья и нетерпѣнія къ киліановской, разсказывалъ ребятамъ, что, бывало, въ походѣ идутъ они, то–есть пѣхота въ страшную слякоть, въ дождь, да мѣсятъ грязь по колѣно, а конница — и пуще того кирасиры — обходятъ ихъ подбоченясь, да только знай покрикиваютъ на нихъ: не пылить ребята, не пылить! Бѣдный Евсей вздохнулъ втихомолку и примѣнилъ разсказъ стараго служиваго къ себѣ и къ надменному, насмѣшливому звѣздоносцу.

«Что я ему мѣшаю? Развѣ и солнце и луна не для всѣхъ насъ равно свѣтятъ, куда бы лучь ихъ ни упадалъ? Развѣ природа освѣщаетъ лучемъ этимъ предметы исключительно для какихъ–нибудь избранныхъ любимцевъ и баловней своихъ, а не ради всякаго, кому чадолюбивая дала зѣницу ока? Неумѣстная зависть и горькая несправедливая насмѣшка — чтѣ трудовой и бѣдовой пѣхотѣ отвѣчать на это надменное: «не пылить»?

Такъ–то заносился думами нашъ Евсей Стахѣевичь и все еще стоялъ на одномъ мѣстѣ, когда и карета, и кавалеръ ордена звѣзды, и предметъ, на которомъ Лировъ созерцалъ такъ благоговѣйно отражающійся лунный лучь, давно уже умчались изъ вида. Колымага еще стояла все тутъ же; одна барыня, изъ числа клади, занемогла и упросила сопутниковъ своихъ дать ей часа два отдыха и покоя.

Власовъ непритворно обрадовался, увидавъ наконецъ своего барина, и разсказамъ и объясненіямъ Корнея не было конца. Разъ десять принимался онъ разсказывать, какъ онъ дивился и

дивовался, что нѣтъ барина; «чтъ за пропасть, фу ты пропасть, эка подумашь» — и прочее. Евсей отвѣчалъ на все это мало, почти–ничего и, задумавшись пустился–было опять по образу пѣшаго хожденія, какъ изъяснялись въ Малиновѣ, и пустился прямо по дорогѣ, туда, куда покатила карета. Но Власовъ поймалъ его за полу, снялъ передъ нимъ шапку и побожился, что не пуститъ его болѣе никуда; потомъ выпустилъ изъ правой руки полу и перекрестился, побожившись еще разъ, что не пуститъ; а послѣ всего этого уже сталъ увѣрять и божиться, что пора ѣхать, что ихъ въ Питерѣ, чай, давно уже ожидаютъ, и такъ далѣе. Не знаю, повѣрилъ ли Евсей послѣднему обстоятельству, но по–крайней–мѣрѣ онъ не могъ противиться рѣшительнымъ мѣрамъ Корнея Горюнова; понялъ слова: «ей Богу, не пущу, вотъ–те Христосъ не пущу!» и воротился назадъ. А, вошедши въ гостинницу, онъ и самъ немало изумился, когда одинъ изъ старыхъ и давнишнихъ знакомыхъ его, о которомъ поговоримъ послѣ, вскочилъ со стула и внѣ себя от радости обнялъ и облобызалъ его

съ восторженными восклицаніями и изступленными возгласами. Малиновъ, Москва, Петербургъ, Грузино, карета, луна на ущербѣ, новый пріятель — все это сбилось и смоталось въ головѣ Лирова въ одинъ огромный клубокъ, которымъ, казалось, голова его набита туго–натуго, такъ что ни для какой думы не было мѣста; иначе Евсей Стахѣевичь былъ бы почти–готовъ подумать хорошенько — Власовъ ли или ужь не самъ ли онъ, Лировъ, приложился сегодня съ–горя къ киліановской? Между–тѣмъ, чтобы, говоривши долго, да коротко кончить, все это вмѣстѣ, и Чудово и Питеръ, и Москва и Малиновъ, и Грузино и карета, и луна и дилижансъ, и новый пріятель — все это снова распуталось и приняло въ умѣ и памяти Лирова настоящій толкъ и смыслъ, когда онъ, Лировъ, уже около разсвѣта сладко дремалъ, сидючи въ томъ же самомъ дилижансѣ, который стоялъ передъ чудовымъ почтовымъ домомъ, и теперь ѣхалъ — въ Москву. Итакъ, Корней Власовичь, поворачивай оглобли, да

поѣзжай въ Москву; а въ Питерѣ видно еще подождутъ.

—

ГЛАВА 6.

ЕВСЕЙ СТАХѢЕВИЧЬ ПОѢХАЛЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Вотъ изволите ли видѣть, какъ дуренъ этотъ обычай – дѣлать напередъ уже надпись или оглавленіе, передъ каждой главой; Евсей Стахѣевичь только–что отправился съ дилижансомъ и старымъ пріятелемъ своимъ въ Москву, а тутъ, въ–слѣдъ за тѣмъ, уже по неволѣ пророчишь, что онъ опять поѣдетъ въ Петербургъ. Надобно, однакоже, пояснить еще первое обстоятельство; и вотъ какъ все это случилось.

Евсей Стахѣевичь вошелъ въ первую комнату гостинницы чудовой, какъ вдругъ невысокій, черноволосый мущина, въ зеленомъ мундирномъ сертукѣ съ желтыми пуговицами, съ дорожною трубкою въ

рукахъ, кинулся его обнимать. Лировъ узналъ стараго своего сослуживца тѣхъ инстанцій, о которыхъ мы уже говорили, упомянувъ о тавлинкахъ и бумажныхъ платкахъ. Это былъ за–просто Иванъ Ивановичь, и даже по прозванію только Ивановъ, бывшій писецъ и безчиновный — чтобы не сказать безчинный — служитель Жировскаго Земскаго Суда. Ивану Ивановичу стало тѣсно въ земскомъ судѣ, да признаться ему и письмо какъ–то не давалось; онъ вышелъ на просторъ, пошелъ искать счастья по бѣлому свѣту и попалъ, какъ видно, на большую дорогу. Лировъ съ тѣхъ–поръ потерялъ его изъ глазъ и изъ памяти. Встрѣча эта, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, все–таки обрадовала Евсея: по–крайней–мѣрѣ — знакомое лицо, если смѣю такъ назвать Иванова, а Евсею уже тяжело становилось на чужбинѣ и грустно. Онъ, разумѣется, полюбопытствовалъ узнать званіе и мѣсто бывшаго сослуживца своего, который разъѣзжалъ себѣ такъ важно въ дилижансѣ, между обѣими столицами, такъ развязно, такъ ловко принялъ стараго

знакомца и распоряжался въ почтовомъ дому, какъ дома, приказавъ уже подать, на радости, бутылку лучшаго вина; слово за словомъ и Евсей услышалъ собственными своими ушами, что Иванъ Ивановичь, котораго онъ считалъ, по виду, по осанкѣ, по обращенію, по–крайней–мѣрѣ титулярнымъ совѣтникомъ, если не коллежскимъ ассесоромъ, что Иванъ Ивановичь просто за–просто кондукторъ проводникъ дилижанса. «О!» подумалъ Евсей про себя: «при всемъ уваженіи моемъ ко всякому состоянію и ремеслу, даже къ званію проводника дилижансовъ, но — если попытка уѣзднаго жителя видѣть свѣтъ и служить въ столицѣ сулитъ такое или подобное этому блестящее поприще, тогда.... тогда....» Но Иванъ Ивановичь тряхнулъ Лирова за локоть, которымъ этотъ подперся–было повѣсивъ голову, тряхнулъ, раскачалъ и растолкалъ его дружески, понуждая выпитъ чудное вино! Но Лировъ замѣтилъ презрительную улыбку старика–трактирщика, колченогаго Голстинца въ отвѣтъ на запросъ Иванова и прочелъ на ярлыкѣ, хотя и мало смыслилъ

толку въ винахъ, что цѣна этому чудному вину назначена была 1 руб. 20 коп. Между–тѣмъ, Ивановъ не спросивъ даже того, за чье здоровье опорожнилъ уже полбутылки этого краснаго ротвейна, не спросивъ даже Лирова, куда и за–чѣмъ онъ ѣдетъ, гдѣ служитъ, какъ служилъ доселѣ и прочее, принялся самъ разсказыватъ ему о Кунст–Камерѣ и о Грановитой Палатѣ, о памятникѣ Петру Великому, Минину и Суворову съ Пожарскимъ, о самородковомъ столбѣ Александра–Благословеннаго, о царѣ–колоколѣ, выставленномъ недавно на фундаментъ, и объ Англійской–Набережной, о Красной–Площади и объ Эрмитажѣ — и вездѣ онъ былъ и все видѣлъ, и вездѣ принятъ, какъ дома. Онъ продолжалъ въ этомъ духѣ, покуда наконецъ староста пришелъ доложить, что ямщики не хотятъ далѣе дожидаться и просятъ позволенія, коли господа не поѣдутъ, отпречь лошадей. Между–тѣмъ и Власовъ доносилъ, что повозка давнымъ–давно заложена, и что пора, ей Богу, пора ѣхать. Ивановъ вскочилъ, побѣжалъ опрометью и

прилетѣлъ съ извѣстіемъ, что больной барынѣ полегче и что она собирается въ походъ. Лировъ сталъ прощаться, но Ивановъ не хотѣлъ этого и слышать. «Сошлись» говорилъ онъ «черезъ восемь лѣтъ, и старые товарищи и пріятели, а теперь разбѣжаться врознь! на что это похоже?» И при этихъ восклицаніяхъ размахивалъ онъ руками словно мельница и сшибъ со стола кожанымъ картузомъ своимъ порожнюю бутылку; Лировъ невольно отскочилъ и наступилъ на ногу содержателю гостиницы, старому подагрическому Нѣмцу, который подкрался–было къ столу, чтобы прибрать роковую бутылку эту, и теперь раскричался, разохался и разстонался какъ–будто насталъ его послѣдній часъ. И бѣдный Евсей опять уже стоялъ и кланялся, и просилъ, и извинялся. «Ну полно, полно!» продолжалъ Иванъ Ивановичь: «вѣдь Иванъ Ивановичь не сердится, я его знаю: онъ тезка мой и старый пріятель! Послушай же меня, Стахѣй Сергѣевичь — такъ, кажется, зовутъ тебя? Не откажи другу, поѣдемъ вмѣсте!»

— Да послушай же и ты, отвѣчалъ Лировъ: я ѣду въ Петербургъ, а ты въ Москву; какъ же намъ ѣхать вмѣстѣ?

«Да за–чѣмъ же ты ѣдешь въ Петербургъ?»

— Искать мѣста; хочется попытаться, не удастся ли пристроиться.

«Гдѣ? въ Петербургѣ? мѣсто? пристроиться? да какія тамъ, въ Петербургѣ, мѣста?»

— Какое найду; побьюсь, поколочусь — мнѣ не привыкать стать; авось добьюсь.

«Гдѣ, въ Питерѣ? Да какія тамъ мѣста, говорю я тебѣ, какія мѣста въ Питерѣ? Нѣтъ ни одного; кто жь тамъ у тебя есть, дядя–сенаторъ, что ли?»

— Хоть бы лавочникъ какой былъ, я бы и за то спасибо сказалъ: было бы у кого пристать. Нѣтъ, я такъ ѣду, на вывези–Господь: у меня нѣтъ тамъ никого.

«Шутъ ты прямой, да и только! И нашелъ же гдѣ искать мѣста, въ Петербургѣ! Стало–быть, у тебя нѣтъ тамъ никакого дѣла больше, никакой нужды?»

— Да, никакой больше; дай Богъ и съ этой одной управиться!

«Такъ полно бредить; коли–такъ, поѣдемъ вмѣстѣ, у меня, въ моемъ дилижансѣ и четвертыя мѣста оба порожнія; садись да поѣдемъ; все равно, чѣмъ ѣхать порожнякомъ, подвезу, да ужь за–то на выборъ дамъ тебѣ мѣсто въ Москвѣ, какое хочешь. Да! въ Питерѣ нашелъ мѣсто!»

Евсей подумалъ: «вретъ–то онъ вретъ, что мѣсто дастъ, — это я знаю; коли самъ въ проводникахъ, такъ видно и у него нѣтъ дяди въ сенаторахъ; да вѣдь, правду сказать, мнѣ чтѣ Москва, чтѣ Петербургъ — оба равны; коли человѣкъ беретъ съ собою и еще даромъ, и познакомитъ меня, можетъ статься, хоть съ кѣмъ–нибудь въ Москвѣ — почему жь не ѣхать? а говорятъ, дѣйствительно трудно найдти мѣсто въ Питерѣ, да я и самъ говорилъ это напередъ Власову; сверхъ всего этого, мнѣ какъ–то душа говоритъ, что мнѣ надо бы ѣхать въ Москву...» Тутъ луна на ущербѣ и что–то темное, неясное, несвязное мелькнуло въ воображеніи Лирова, но онъ рѣшительно ничего объ этомъ не думалъ, не разсуждалъ, а сказавъ

самъ–себѣ: «нѣтъ, все это вздоръ; доѣхавъ за сто верстъ до Петербурга было бы слишкомъ–смѣшно и глупо воротиться въ Москву, когда и тутъ и тамъ виды и надежды мои одинаковы: поѣду въ Питеръ» — сказавъ это самъ–себѣ, спросилъ онъ только Иванова, вовсе самъ не зная, чтъ говорилъ: «да какъ же быть, у меня телега заложена и со мною человѣкъ?» — О, объ этомъ не заботься; это мое дѣло. Это мигомъ уладимъ.— И Лировъ не успѣлъ ни опомниться, ни очнуться, какъ Ивановъ велѣлъ отложить телегу его, далъ Власову какую–то записку на мѣсто въ сидѣйкѣ, которая должна была придти, по словамъ г–на кондуктора, черезъ часъ или полтора, обнялъ и усадилъ Евсея съ задняго крыльца въ рыдванъ свой — и кони уже мчали его на Спасскую–Полисть, въ Москву.

Евсей распустилъ на досугѣ поводья вольной вольницы своей, этой докучливой для насъ, уносчивой думы, прищурилъ глаза и, послѣ проходки въ Грузино и безпокойной ночи, заснулъ на зыбкомъ рыдванѣ мертвымъ сномъ и проспалъ два

или три перегона, до самаго Новагорода. Въ крѣпкомъ и продолжительномъ снѣ, прошелъ онъ снова всѣ инстанціи своего служенія, подавалъ секретарю и членамъ огня и набивалъ трубки, наливалъ чернилъ, между–тѣмъ какъ сторожъ отбиралъ у двухъ товарищей его, по приказанію секретаря, сапоги, потомъ перепечатывалъ, какъ наборщикъ, бумаги, глухо и слѣпо, не заботясь о содержаніи ихъ; потомъ сидѣлъ уже самъ за зеленымъ сукномъ, и такъ далѣе. Но все это было озарено какимъ–то новымъ, таинственнымъ свѣтомъ; вездѣ и всюду видѣлъ онъ теперь въ углу, въ кіотѣ, на обычномъ мѣстѣ, какую–то ангельскую головку, которая завѣсила душеспасительныя очи свои темными рѣсницами; Лирову хотѣлось помолиться, но откуда онъ къ ней ни заходилъ, никакъ головка эта не хотѣла на него взглянуть, упорно потупивъ взоры. Вотъ около чего вертѣлись грезы его, во всю ночь. Спросите, пожалуйста, снотолковательницъ вашихъ, чтѣ значитъ этотъ сонъ?

Дилижансъ остановился въ Новгородѣ, и Евсей, проснувшись и потянувшись, сталъ

ощупываться и оглядываться, припоминалъ все, чтѣ надъ нимъ сбылось и случилось — казалось все, было хорошо и благополучно, а между–тѣмъ Евсею какъ–будто чего не доставало, было что–то неладно или нездоровилось. Для приведенія этого обстоятельства въ ясность, онъ объяснился самъ съ собою откровенно, и по справкѣ оказалось, что онъ былъ просто–за–просто голоденъ. И–такъ онъ позавтракалъ въ гостиницѣ; а, доставая деньги на расплату, увидѣль, что съ нимъ была одна только мелочь: бумажникъ хранился у казначея, Корнея Горюнова. Надобно, подумалъ Евсей, разсчитать, чтобы стало до Москвы. Въ Валдаѣ, однакоже, довольно–пригожая дѣвушка уговорила его еще купить колокольчикъ съ надписью: «купи, денегъ не жалѣй, со мной ѣздить веселѣй», — а другая, съ приговорками: «ты, мой баринушко, красавчикъ мой» — втерла на двугривенный баранокъ. Отъ–роду въ первый разъ Евсея назвали красавцемъ; ему это показалось такъ забавно, что онъ купилъ баранки и грызъ ихъ дорогою, улыбаясь выдумкѣ

затѣйливой продавицы. Но въ Вышнемъ–Волочкѣ Евсей пожалѣлъ уже о своемъ мотовствѣ, потому–что вспомнилъ еще одно непріятное обстоятельство: гдѣ найдетъ его Корней Горюновъ въ Москвѣ и скоро ли еще до нея доволочется? Власову вовсе не сказано было, гдѣ искать барина, да и баринъ еще самъ этого не зналъ. Поэтому Лировъ проѣхалъ Торжокъ не торговавшись, а, притворясь спящимъ, не купилъ ни одной пары гнилыхъ бараньихъ сапожекъ, хотя они продавались за козловые и были ему очень–нужны. Лировъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые иногда цѣлый годъ не думают мотать, даже не рѣшаются купить и самое необходимое; но за–то, пустившись однажды въ покупки, готовы закупить все, чтѣ ни видятъ глазами. Въ Твери Евсей забылъ вовсе о бумажной котлеткѣ, вошелъ въ гостиницу и спросилъ–было поѣсть; но когда въ бильярдной раздалась во–всеуслышаніе вѣсть, что уморительный чужестранецъ, который съѣлъ бумажку, опять прибылъ, то Лировъ воротился въ дилижансъ и завалился спать. Долго слуга

гостиницы ходилъ и высматривалъ и искалъ барина, который спрашивалъ закусить; но Евсей самъ себя не выдавалъ и поѣлъ уже въ Городнѣ. Въ Черной–Грязи, то–есть на последней станціи къ Москвѣ, словоохотный Ивановъ наконецъ счелъ нужнымъ объясниться съ Лировымъ. Взявъ его подъ руку и отошедъ въ сторону, сказалъ онъ:

«Послушай, дружище! Я взялъ тебя такъ, на свой страхъ — понимаешь? не на счетъ конторы, а отъ себя, по дружбѣ и на порожнее мѣсто; такъ ужь ты, сдѣлай милость, въ Москвѣ гдѣ–нибудь по дорогѣ слѣзь, а въ контору нашу не ѣзди, или не останешься ли, можетъ статься, здѣсь, въ Черной–Грязи. Смотритель мнѣ человѣкъ знакомый, да отселѣ и недалече, — попадешь въ Москву, когда захочешь.»

Пріятное предложеніе — подумалъ Лировъ — и самое пріятельское! — Да помилуй, не ты ли сулилъ мнѣ не только довезти меня до Москвы, но и пристроить къ мѣсту? По–крайней–мѣрѣ, сдержи хоть первое обѣщаніе, да довези; вѣдь я не напрашивался, а ты самъ меня угостилъ!

«Ну, не вдругъ же все, любезный, не горячись; мѣсто — это легко сказать, да и мѣсто мѣсту рознь. Пожалуй, мало ли мѣстъ, и даромъ даютъ, да никто не беретъ; чтѣ въ нихъ? Будетъ тебѣ и мѣсто и все, только погоди: я вѣдь, видишь, по службѣ, по должности своей, всегда разъѣзжаю взадъ и впередъ промежду столицъ, Москвы то-есть и Питера, и есть у меня основательные друзья, и тутъ и тамъ, и я тебя не позабуду; но разсуди самъ, какъ же мнѣ везти тебя въ контору свою? тогда всѣ труды и безпокойство мое пропадутъ за-даромъ: тамъ съ тебя сорвутъ, и ужь мнѣ ничего не достанется — а не двѣ же шкуры съ тебя снимать!»

— Эге, подумалъ Евсей: да как же онъ вытерся и наметался! А гдѣ же я найду послѣ всего этого человѣка своего? спросилъ онъ. Помилуй, чтѣ ты со мною дѣлаешь?

«Человѣка? Э, онъ не пропадетъ! Языкъ до Кіева доведетъ, да и окромѣ того, братецъ, вѣрь, по запискѣ моей — вѣдь сидѣйки отъ насъ же ходятъ — по запискѣ моей его на рукахъ принесутъ, свяжутъ да

привезутъ, коли заупрямится, а на мѣстѣ будетъ — объ этомъ не заботься.»

— Да мѣсто–то велико: гдѣ я его найду въ Москвѣ?

«Да, въ Москвѣ! ну то–то видишь, по–этому тебѣ и лучше выждать его здѣсь; съ нимъ вмѣстѣ и отправишься!»

— А, такъ мнѣ сидѣть ночь и день на перепутьи и выжидать сидѣйки, чтобы не проглядѣть ея? Хорошо и это. Спасибо, другъ Иванъ Ивановичь! Ну, а что, если я тебѣ еще скажу, что при мнѣ теперь на–лицо состоитъ только два двугривенныхъ — коли еще одинъ не пяти–алтынный, невидать точекъ — и что деньги мои остались у человѣка?

«Экой же ты шутъ подновинскій, ей Богу, шутъ! Да кто же этакъ ѣздитъ? Ты думаешь это проѣхать отъ Жирова до Малинова? Нѣтъ, братъ, тутъ безъ рубля нѣтъ и копейки, не какъ тамъ — безъ копейки рубля! Ну хорошо–что наткнулся ты на стараго пріятеля, на товарища, а другой бы на это не посмотрѣлъ...»

Евсей Стахѣевичь уставилъ, по привычкѣ своей, глаза на Ивана Ивановича,

сложилъ руки и началъ думать такъ, про–себя, а отвѣчать не отвѣчалъ ужь болѣе ничего. Но онъ этимъ не отдѣлался отъ стараго пріятеля и товарища: Ивановъ полѣзъ шарить съ задняго крыльца въ дилижансъ, вытащилъ оттуда старый плащь Лирова и колокольчикъ, то–есть все, чтъ тамъ было, сталъ развертывать и разглядывать перва плащь и замѣтилъ, въ–слухъ, что онъ уже очень поношенъ: «Такъ ужь отдай мнѣ, Евсей Стахѣевичь!» продолжалъ Ивановъ: «отдай до времени на дорогу хоть шинелишку эту, я поберегу тѣмъ часомъ свою отъ пыли — вѣдь моя стоитъ безъ–малаго сто рублевъ!» И, не выжидая отвѣта, сложилъ онъ плащь и перекинулъ его на лѣвую руку, а правою поднялъ повыше колокольчикъ и прочиталъ по складамъ: «купи, денегъ не жалѣй, со мной ѣздить веселѣй», — позвонилъ, прислушался и продолжалъ: «экой проказникъ, Стахѣй Евстигнѣевичь! да съ какой погудкой выбралъ, да заунывный какой! На чорта жь онъ тебѣ? Теперь, чай, ужь и безъ колокольчика доѣдешь,

недалече; отдай мнѣ ужь и его: нашему брату, дорожному человѣку, пригодится!»

Замѣтивъ, что Евсей Стахѣевичь на все это по–видимому соглашается безпрекословно, что онъ былъ тихъ, и смиренъ, и кротокъ, и въ лицѣ у него ни тѣни злобы, — Ивановъ подошелъ къ нему, попотчивалъ его трубкой, убравъ уже на мѣсто и плащь и колокольчикъ, и въ отвѣтъ на отказъ Лирова, который сказалъ, что не куритъ, заглянулъ, какъ–бы мимоходомъ Евсею за воротникъ и спросилъ: «Да сертучишко у тебя никакъ сверхъ фрака надѣтъ, — аль нѣтъ?»

— Нѣтъ, любезный товарищь и дорогой пріятель, отвѣчалъ Лировъ довольно–положительно: не двѣ же шкуры съ меня снимать, какъ самъ ты сказалъ; сертука я тебѣ не дамъ.

«Экой чудакъ»! сказалъ Ивановъ захохотавъ, прикусивъ роговой наконечникъ пружиннаго чубука своего, свернутаго узломъ, и почесывая затылокъ: «экой чудакъ! Да кто же объ этомъ говоритъ? Ты ужь сейчасъ и Богъ знаетъ чтъ задумалъ! Полно горевать»

продолжалъ онъ, потрепавъ его по плечу: «пріѣзжай–ка въ Москву, такъ гляди какъ заживемъ, и мѣстечко найдется, да еще и служить будемъ вмѣстѣ; что ты задумался, а?»

И за–тѣмъ Ивановъ раскланялся дружески съ Лировымъ, обнялъ его, полѣзъ въ кожаный мѣшокъ свой подлѣ козелъ, и дилижансъ покатился. А Лировъ остался въ Черной–Грязи.

—

ГЛАВА 7.

ЕВСЕЙ СТАХѢЕВИЧЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНО ПОѢХАЛЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

И потому еще нехорошо угадывать напередъ въ заголовкѣ каждой главы разсказа содержаніе ея, что невсегда угодишь да утрафишь; шестую главу, напримѣръ, помѣтили мы: «Евсей Стахѣевичь поѣхалъ въ Петербургъ», а выходитъ, онъ не поѣхалъ, а сѣлъ въ

Черной–Грязи; поѣдетъ же, коли поѣдетъ, въ седьмой.

Евсея, въ нынѣшнемъ, безотрадномъ, истинно-отчаянномъ положенiи его, безотчетно тянуло въ Москву, и онъ бы вѣрно отправился туда, по способу малиновскихъ прачекъ кантонистовъ, но — что будетъ съ Корнеемъ Горюновымъ? Евсей просилъ смотрителя убѣдительно, сказать ему, если бы ночью пришла сидѣйка; но получилъ отвѣтъ, что сидѣйки останавливаются на селѣ, у ямщиковъ, и что укараулить ихъ трудно. Оказалось также, что все знакомство Иванова съ смотрителемъ Черной–Грязи ограничивалось тѣмъ только, что Ивановъ занялъ у него въ намеднишнiй проѣздъ свой полтинникъ и теперь отдалъ, въ уплату долга, отнятый у Лирова колокольчикъ. Чтобы не терять времени по–пустому, Евсей пустился думать, прохаживаясь по Черной–Грязи; потомъ, опомнившись, пошелъ добиваться толка у ямщиковъ, гдѣ пристаютъ сидѣйки, потомъ, не добившись толка, потому–что сидѣйки разныхъ хозяевъ приставали въ разныхъ дворахъ,

пошелъ опять думать. Такъ время шло незамѣтно мѣжду дѣломъ и бездѣльемъ и, судя по извѣстной пословицѣ, Евсей Стахѣевичь развѣ отъ этого только не сошелъ съ ума, потому-что положенiе его было въ–самомъ–дѣлѣ крайнее. Онъ заложилъ уже у содержателя гостиницы часы свои, которыхъ Ивановъ, видно, не доглядѣлъ, и все еще не зналъ — какъ, гдѣ и когда сойдется съ вѣрнымъ своимъ Корнеемъ.

На третье утро, Лировъ сидѣлъ на крыльцѣ и думалъ: «Такъ, такъ! я знаю, что я бѣдовикъ, и знаю, что мнѣ суждено, можетъ статься, для назидательнаго примѣра другимъ, терпѣть и пить горькую чашу весь свой вѣкъ. Чѣмъ же я провинился, и за что все это валится на мою бѣдную головушку? Говорятъ, въ Испанiи или Португалiи, во время народныхъ зрѣлищь, въ театрахъ, бьютъ Негра палкой по головѣ, чтобы сосѣдъ его, дворянинъ, оглянулся, и тогда говорятъ этому вѣжливо: извольте сидѣть чинно. Можетъ быть, и я родился на свѣтъ, чтобы служить такимъ же назидательнымъ

примѣромъ для другихъ. При всемъ томъ — нечего дѣлать, мнѣ не учиться стать терпѣть; выждемъ конца. Любопытно увидѣть, чѣмъ все это кончится, какія искушенія суждены еще бѣдному потомку воронежскаго скорняка и какими путями приведетъ его судьба на общую сборную точку бѣдовиклъвъ «баловней своихъ, въ этотъ знаменитый ларецъ Фамусова, на свиданіе... да съ кѣмъ?»

Такъ размышлялъ Лировъ на свободѣ, носился отъ нечего–дѣлать, закусивъ повода, и смирялся поневолѣ, какъ еще одинъ дилижансъ прибылъ изъ Петербурга же въ Черную–Грязь. Глядя на ростороппаго кондуктора, который званіемъ и мундирнымъ сертукомъ своимъ рождалъ непріятныя для Евсея воспоминанія, онъ услышалъ, что тотъ освѣдомлялся, когда прошелъ дилижансъ № 7–й и не было ли тамъ г. Лирова? Этотъ всталъ, подошелъ — и къ неизъяснимой радости своей получилъ записку отъ Корнея Власова. Горюновъ писалъ чужою рукою, потому–что самъ былъ безграмотенъ, вотъ что:

«Ваше благородіе, Евсей Стахѣевичь! Связались вы, сударь, Богъ–вѣсть съ кѣмъ, а старика своего и вѣрнаго слугу покинули на распутьи. Обманулъ онъ меня, обманетъ и васъ. А на сидѣйку въ Чудовѣ не приняли меня по запискѣ его, говорятъ: мы его и знать не хотимъ; а заплатить 25 рублевъ я не посмѣлъ, такъ и отправился за вами пѣшкомъ, а чемоданъ и вещи всѣ покинулъ въ Чудовѣ у смотрителя, въ чемъ и взялъ съ него росписку, что не станетъ требовать за это съ вашего благородія ничего, а взялъ по своей волѣ, изъ чести. Такъ ужь побойтесь Бога, да обождите меня старика, а мнѣ васъ, сударь, не нагнать; и ноги не тѣ, да и спина не служитъ; либо ужь накажите кому–нибудь подъ Москвой, на послѣдней станціи, либо оставьте записку, гдѣ наша будетъ фатера. Москва не Малиновъ, и такихъ, какъ мы съ вами, сударь, тамъ много. А деньги ваши всѣ цѣлы, несу съ собою; чай по нихъ соскучились? Да не сказывайте, сударь, никому объ деньгахъ, чтобы меня, старика, какой–нибудь гуртовщикъ за нихъ не

уходилъ. За–тѣмъ остаюсь вашего благородія» — и прочее.

Вотъ какую вѣсть свѣжій дилижансъ привезъ Лирову. Легче ли стало ему отъ нея? Что тутъ было дѣлать и какъ быть? Чемоданъ и вещи въ Чудовѣ — Корней Горюновъ Богъ–вѣсть–гдѣ тащится съ деньгами, пѣшкомъ, а Евсей Лировъ въ Черной–Грязи, въ долгу какъ въ шелку; искать Корнея — такъ какъ бы съ нимъ не разминуться; сидѣть тутъ — долго просидишь, покуда старикъ отмѣряетъ безъ малаго пятьсотъ верстъ; что тутъ дѣлать? Евсей, наконецъ, рѣшался–было ужь раза два ѣхать назадъ, искать старика своего, да за малымъ дѣло стало: и часы уже почти–проѣлъ, безъ хозяйки и казначея своего, а ни ѣхать, ни даже идти пѣшкомъ — не съ чѣмъ. Такъ просидѣлъ Евсей еще три дня; три дня въ такомъ положеніи стлятъ иныхъ трехъ лѣтъ; не ручаюсь, чтобы Евсей и при всей безпечности своей, уносчивости воображенія, не посѣдѣлъ, на 28–мъ году отъ–роду, если просидитъ тутъ еще съ недѣлю.

Но гдѣ нужда, тутъ и помощь; и удивляться этому, ка̀къ дѣлаютъ многіе, вовсе не изъ чего, потому–что безъ нужды не можетъ быть и помощи. Изъ Москвы ѣхалъ одинъ изъ благородныхъ, доблестныхъ по сердцу бояръ нашихъ въ Питеръ, ѣхалъ семьею и нанялъ цѣлый дилижансъ. Прибывъ въ Черную–Грязь, узналъ онъ черезъ сострадательнаго смотрителя о положеніи Лирова, распросилъ его въ подробности, пожалѣлъ и сжалился надъ нимъ отъ души, хотя въ то же время не могъ удержаться отъ смѣха, за что впрочемъ добрый Евсей вовсе не гнѣвался. За–тѣмъ бояринъ выручилъ бѣдовика̀ нашего изъ тисковъ; уплативъ не значительные должишки его, предложилъ онъ ему мѣсто въ дилижансѣ своемъ, и Евсей тѣмъ охотнѣе воспользовался снисходительнымъ предложеніемъ, что почтенное семейство это ѣхало медленно, со всѣми путевыми удобствами, постоянно останавливаясь для ночлеговъ; по–этому опасность объѣхать Власова и разминуться съ нимъ значительно уменьшилась. Лирову указали–было мѣсто въ самой каретѣ,

рядомъ съ воспитательницею или такъ–называемою гувернанткою, но онъ испросилъ позволеніе сѣсть на порожнее, открытое мѣсто, впереди, потому–что ему отсюда гораздо–половчѣй было окидывать глазомъ передъ собою всю дорогу и стеречь своего дядьку. Лировъ былъ веселъ, доволенъ и совершенно–счастливъ. Благодарное сердце его таяло въ безпредѣльной признательности къ этому благородному семейству, которое, удостоивъ Лирова однажды своего покровительства, обходилось съ нимъ уже какъ съ роднымъ и почти–успѣло его увѣрить, что одолженіе тутъ было на его сторонѣ, а не на ихъ.

На одномъ изъ перегоновъ, неподалеку Вышняго–Волочка, рано утромъ Евсей Стахѣевичь, какъ дѣлалъ это уже во весь путь, не спускалъ глазъ съ безконечной, по шнуру отбитой, дорьги, какъ вдругъ закричалъ такимъ дикимъ голосомъ, что всѣ спутники и спутницы его вздрогнули. Дилижансъ остановился, и Корней Горюновъ стоялъ, снявъ шапку, и глядѣлъ недовѣрчиво на рыдванъ; потомъ вдругъ

смуглая, старая, поношеннаго товара рожа его прояснилась краснымъ солнышкомъ и, узнавъ барина своего, не могъ онъ надивиться, нарадоваться, наговориться. Лировъ хотѣлъ–было тутъ же вылѣзть и откланяться, заговаривая несвязно о вѣчной благодарности, но его попросили сѣсть теперь въ карету, а старика усадили на передокъ. Горюновъ такъ радовался неожиданной развязкѣ этой, что забылъ все прошлое горе свое, забылъ сколько бѣдовалъ и горевалъ на пути своемъ и, сидя рядомъ съ проводникомъ, разсказывалъ ему уже, какъ онъ бывало въ полку, когда молодые ребята, измаявшись на тяжкомъ переходѣ начнутъ отставать, бралъ по ружью на каждое плечо, по ранцу на грудь и на спину, и съ присвистомъ пускался впередъ по дорогѣ въ–присядку. «Вотъ» говорилъ Корней «каковъ я былъ; послужилъ я въ свое время Богу и великому государю; бывало, кто отстанетъ ли, нѣтъ ли, отъ рядоваго 1–й мушкатерской роты Корнея Горюнова, а Корней Горюновъ ужь отъ другихъ не отстаетъ. Теперь не то: одолѣла поясница!»

Воспитательница, съ которою сидѣлъ теперь Лировъ, была, къ удивленію его, Русская, женщина умная и образованная, бывшая воспитанница одного изъ благодѣтельныхъ казенныхъ заведеній нашихъ. Кто бы тогда подумалъ, что маловажное обстоятельство это, то–есть, что Лирова посадили въ карету, и именно на это самое мѣсто, независимо отъ спутниковъ и милой сосѣдки его, будетъ для него собственно такъ–важно и богато послѣдствіями?

Вельможа дорьгою познакомился съ Лировымъ поближе, спознался съ нимъ и, узнавъ нужды, виды и желанія его, обѣщалъ ему въ самыхъ скромныхъ выраженіяхъ свою помощь. Лировъ возносился уже съ совершенною довѣренностію къ новому счастію своему на седьмое небо, когда случилось вотъ что:

Доѣхавъ еще з÷свѣтло до роковаго Чудова, гдѣ Лировъ принялъ въ цѣлости всѣ вещи свои, и, не смотря на росписку представленную Власовымъ, отблагодарилъ услужливаго смотрителя тороватымъ полтинникомъ, покровитель Лирова

рѣшился ѣхать далѣе, потому–что погода была очень–хороша и ночь свѣтла; а какъ прошло уже отъ извѣстнаго намъ похожденія въ Чудовѣ двѣ недѣли, то луна была на прибыли. — Поѣхали. Евсей, колыхаемый зыбкими пружинами колымаги и упоительными грезами услужливаго воображенія, заснулъ на полпути до Померанья, спалъ сладко, натѣшился и упился до сыта какими–то удивительными и небывалыми снами, и вошелъ въ Помераньѣ въ гостинницу съ намѣреніемъ опохмѣлиться, какъ русскій человѣкъ, послѣ этой неумѣренной, разгульной пирушки. Выпивъ полбутылки меду, Евсей воротился въ–потьмахъ, съ какою–то самодовольной улыбкой благополучія на устахъ, и, почти не разводя обремененныхъ блаженными грезами вѣкъ, полезъ опять въ дилижансъ, на свое завѣтное мѣстечко, приклонилъ головушку на правую сторонушку, и, какъ показалось ему, что сопутница, отдѣленная отъ него только на ширину сидѣнья переборкою, почивала, то онъ, продолжая жмуриться и щуриться, сидѣлъ тише воды, ниже травы. Дилижансъ

вскорѣ покатилъ, и Евсей, который никогда еще не былъ такъ близокъ къ конечному исполненію своихъ надеждъ и желаній, мечталъ и уносился Богъ–вѣсть–куда, когда, послышавъ вдругъ людской говоръ и лай собакъ, раскрылъ глаза и увидѣлъ — или лучше сказать ничего не увидѣлъ: молодая луна уже закатилась, и онъ сидѣлъ въ непроницаемыхъ потьмахъ. Но въ–слѣдъ за–тѣмъ блеснула какая–то зарница и мелькнуло видѣніе, отъ котораго Евсей, въ сладостномъ изнеможеніи не смѣя пошевелиться, сидѣлъ или почти–лежалъ, какъ разбитый параличомъ. Съ полминуты спустя еще разъ то же: его обдало зарницей, Евсей быстро раскрылъ глаза — и успѣлъ еще уловить мкѝлькомъ на–лету то же самое неизъяснимо–милое видѣніе, котораго и самый слѣдъ исчезалъ скорѣе молнія.

Передъ сомкнувшимися очами Лирова играли во мракѣ какіе–то вьюны и змѣйки; изъ едва–видимыхъ точекъ бахромчатыя кисти распускались багровымъ макомъ и изумрудными махровыми цвѣтками, между–тѣмъ какъ Евсей, не смѣя дохнуть,

старался сообразить, чтѣ такое съ нимъ сталось. Съ полгодины сидѣлъ онъ, какъ дряхлый старикъ съ онѣмѣлыми членами; наконецъ опомнился, приподнялся, перевелъ духъ тихо и протяжно, глядѣлъ во всѣ глаза и во всѣ стороны — и ничего не видалъ, ничего не понималъ. Все это ему казалось такъ странно, такъ непонятно, что онъ долго еще сидѣлъ съ открытыми глазами, прислушиваясь къ однообразному стуку колесъ и крику ямщика. Замѣтивъ, что сосѣдка его не спитъ, рѣшился онъ наконецъ сказать ей что–нибудь и съ тѣмъ вмѣстѣ убѣдиться, живъ ли онъ еще, или, по–крайней–мѣрѣ не спитъ ли, и не видѣлъ ли то, чтѣ видѣлъ во снѣ?

«Такъ вы, сударыня, воспитывались въ Смольномъ?» спросилъ онъ голосомъ провинившагося школьника и кромѣ того очень–кстати.

— Нѣтъ–съ, въ Патріотическомъ Институтѣ — отвѣчалъ робкій, но послушный голосокъ.

Лировъ приподнялъ брови и уши почти на самую макушку, глядѣлъ на невидимку во всѣ глаза и опѣшалъ вовсе. Голосъ

чужой и незнакомый, и вовсе не тотъ, которымъ говорила обыкновенно милая его сосѣдка, воспитанная, какъ онъ давно уже зналъ на–изустъ, въ Смольномъ. Бѣдный Евсей сидѣлъ въ этомъ положенiи нѣсколько минутъ и наконецъ опять рѣшился спросить: «и давно вы уже оставили это заведенiе?»

— Шестаго числа будетъ семь мѣсяцевъ, отвѣчалъ тотъ же несмѣлый и покорный голосокъ.

Евсей опустилъ руки, поднялъ вверхъ голову, прислонился къ заспинкѣ и въ этомъ положенiи сидѣлъ, уже рѣшительно не смѣя дохнуть, до самаго Чудова, гдѣ надъ нимъ совершалось уже второе чудо. Какое жь второе? спрльсите вы. Да развѣ это не чудо, что, выѣхавъ изъ Чудова, онъ опять воротился въ Чудово? Дилижансъ остановился, подали фонарей, и Лировъ увидѣлъ, къ величайшему изумленiю своему, что двери рядомъ съ нимъ растворились и вышелъ оттуда — тотъ же самый мужчина со звѣздой, который, слишкомъ за двѣ недѣли, на этомъ же самомъ мѣстѣ, насмѣшливо спрашивалъ

спутницъ своихъ: «не попросить ли этого товарища въ карету»? Такъ часто мы пророчимъ на свою голову, такъ часто мы пророчимъ на свою голову, такъ часто сбывается неожиданное, неправдоподобное невозможное вчера, и сегодня сбыточное и вѣроятное! Думалъ ли человѣкъ со звѣздой, что черезъ двѣ недѣли этотъ неказистый чудакъ въ изношенномъ сертукѣ своемъ дѣйствительно будетъ сидѣть въ одномъ съ нимъ дилижансѣ, которой былъ взятъ имъ весь, а слѣдовательно принадлежалъ ему, звѣздоносцу, исключительно? думалъ ли это и самъ Евсей? и наконецъ думалъ ли онъ же, когда сидѣлъ въ Малиновѣ и водилъ нерѣшительно пальцемъ по картѣ, между Москвою и Петербургомъ, что ему суждено будетъ скитаться на самомъ дѣлѣ и не пальцемъ только, а всею особою своею, нѣсколько недѣль сряду, туда и сюда, и наконецъ, не побывать ни в Москвѣ, ни въ Петербургѣ?

—

ГЛАВА 8.

ЕВСЕЙ СТАХѢЕВИЧЬ ПОѢХАЛЪ ВЪ МОСКВУ.

Увидавъ человѣка со звѣздой и вовсе–незнакомаго кондуктора, который высаживалъ этого большаго барина пльдъ–руки, услышавъ еще какъ звѣздоносецъ, оборотясь къ дверямъ, откуда вылѣзъ, сказалъ, взглянувъ на часы, по–французски: еще нѣтъ и часа, и мы съ разсвѣтомъ будемъ въ Спаской Полисти, — Евсей прижался въ уголъ, съ нетерпѣніемъ выждалъ только, чтобы кавалеръ звѣзды и проводникъ отошли подальше отъ кареты, отворилъ самъ дверцы свои, выскочилъ и отбѣжалъ, не оглядываясь, шаговъ на сто; потомъ остановился и началъ опять медленно подходить, какъ посторонній человѣкъ, который любопытствуетъ посмотрѣть на новопріѣзжихъ. Евсей оглядывался и всматривался, сколько темнота ночи позволяла, въ дилижансъ, въ окружающихъ его людей, въ почтовый домъ, въ кондуктора, въ смотрителя, и

убѣдился наконецъ, что опять стоялъ въ Чудовѣ; дилижансъ, въ которомъ онъ пріѣхалъ, отправлялся въ Москву; женщины не выходили, но вѣдь онъ видѣлъ самъ — во снѣ или на яву? — видѣлъ два раза, мелькомъ, ту же самую ангельскую головку, которая озадачила его уже разъ, здѣсь же, въ Чудовѣ, и потомъ опять являлась ему въ грезахъ, за кіотами, въ покояхъ разныхъ степеней его служенія; мужчина же былъ явно тотъ самый, который, проѣзжая Чудово, недѣли тому двѣ слишкомъ, повстрѣчалъ здѣсь Лирова и обошелся съ нимъ такъ по–господски, и еще — помните? — похитилъ въ глазахъ его эту ангельскую головку, закинутую немного назадъ, когда разглядывала она луну на ущербѣ, — а Лировъ, въ то же время, расположился еще какъ прльтивень или дружка рядомъ съ верстовымъ столбомъ. Успѣлъ ли, нѣтъ ли нашъ бѣдный Евсей дослѣдиться до горестнаго для него заключенія, что онъ сѣлъ въ Помераньѣ не въ свои сани, во встрѣчный дилижансъ, на случай на порожнее мѣсто, второе съ лѣвой стороны, то–есть, то же самое, которое

досталось ему по отводу въ дилижансѣ московскаго покровителя его, — не успѣлъ, говорю я, сообразить все это, какъ кавалеръ звѣзды сѣлъ уже снова въ карету и она покатилась на Спаскую–Полисть. Тогда только, и то исподволь, густой туманъ въ головѣ Стахѣевича сталъ понемногу проясняться. Бѣдов√къ нашъ, догадавшись въ чемъ дѣло, счелъ уже почти излишнимъ удивляться, этому довольно–странному приключенію, убѣдившись только еще положительнѣе, что норовистая судьба также нашла дорогу изъ Малинова до московской дороги, на которой теперь снова такъ жестоко и неотвязчиво преслѣдовала свою игрушку.

«Чтѣ я стану дѣлать, Создатель мой?» подумалъ Евсей, сложивъ руки, повѣсивъ голову и стоя въ–потьмахъ на распутьи: «что я стану дѣлать? Здѣсь, въ Чудовѣ, мнѣ нельзя и показаться: подумаютъ, что я рехнулся; да при–томъ за чѣмъ и къ чему показываться? Чтѣ мнѣ здѣсь дѣлать, чего искать тутъ? а чтѣ между–тѣмъ подумаетъ теперь благодѣтель мой, и какъ разгадаетъ куда я дѣвался? — И чтѣ теперь дѣлаетъ

мой Власовъ, и гдѣ онъ? Ну чтѣ, если его увезли въ Питеръ, а я опять остался съ двумя двугривенными, изъ которыхъ, можетъ быть, одинъ даже пяти–алтынный?»

Такъ бродило долго въ головѣ Лирова; десять разъ подходилъ онъ украдкою къ почтовому дому и глядѣлъ на сальный огарокъ, въ окно; наконецъ разсудилъ однакоже, что не сидѣть же въ Чудовѣ во–ожиданіи третьяго чуда, поглядѣлъ вокругъ, вздохнулъ и отправился, по образу пѣшаго хожденія, впередъ въ Померанье.

Онъ шелъ, заложивъ руки въ карманы, повѣсивъ голову, потупивъ очи, потому–что смотрѣть въ потьмахъ было нѝ на что, думалъ, думалъ и наконецъ сталъ вовсе въ–тупикъ: остановившись, поднялъ онъ голову, началъ припоминать видѣніе свое, и дрожь пробѣжала по всѣмъ хребтовымъ позвонкамъ его, какъ неразумные пальцы какого–нибудь малоумнаго по костянымъ клавишамъ фортепіано. Евсей помоталъ головой, пожалъ плечами и пошелъ впередъ. Теперь только ему пришло въ голову, что онъ могъ бы по–крайней–мѣрѣ справиться у проводника, кто таковъ этотъ

загадочный, сановитый кавалеръ звѣзды и какія съ нимъ ѣдутъ барыни, а слѣдовательно и узнать... Но глубокій и трепетный вздохъ остановилъ дерзкую думу эту, и Евсей опять уже былъ готовъ сойдти съ–ума, при одной мысли о неизъяснимомъ видѣніи своемъ.

А видѣніе это явилось так просто, такъ естественно, какъ дѣлается все на свѣтѣ; а Лировъ также точно плуталъ и плуталъ, какъ люди обыкновенно дѣлаютъ при подобныхъ случаяхъ. Въ дилижансѣ, изволите ли видѣть, противъ каждаго мѣста, придѣлано зеркало; при проѣздѣ въ темную ночь черезъ селеніе, свѣтъ изъ окна избы иногда ударяетъ прямо въ зеркало противъ васъ: тогда обдаетъ васъ зарницей; и если вы вь–время взглянете въ зеркало и примете при–томъ надлежащее положеніе, то можете увидѣть призракъ вашего сосѣда, отдѣленнаго отъ васъ только полупереборкой; а если сосѣдъ этотъ или сосѣдка безконечно–мила и дремлетъ, закинувъ головку на подушку и разметавъ кудри свои, то все это явится вамъ и въ видѣніи, которое промелькнетъ только

молніемъ и исчезнетъ. Если вамъ случится ѣхать въ такомъ зеркальномъ дилижансѣ, то можете испытать все это на дѣлѣ. Итакъ Евсей сидѣлъ рядомъ съ существенностію этого видѣнія, просидѣлъ рядомъ, въ темную ночь и глазъ–на–глазъ, часа три, и успѣлъ только узнать, что она институтка, что шестаго числа будетъ семь мѣсяцевъ, какъ она увидѣла свѣтъ — не въ томъ смыслѣ, какъ говорится это о новорожденномъ, не лучи солнечные, а міръ, то–есть не тишину и спокойствіе, а напротивъ суету свѣтской жизни, — пыль, дымъ и чадъ. Да, всего этого не знала и не вѣдала она, когда сидѣла неоперившимся птенцомъ, въ пушкѪ, подъ заботливымъ крылышкомъ своей доброй maman, въ Патріотическомъ Институтѣ, на Васильевскомъ–Острову, противъ Морскаго Кадетскаго Корпуса, гдѣ прозябали и мы когда–то, давно — а русская пословица стараго поминать не велитъ. Итакъ Лировъ только это и узналъ, и въ–продолженіе таинственной поѣздки своей больше ничѣмъ не воспользовался.

Между–тѣмъ Евсей все шелъ да шелъ, и все думалъ, и наконецъ сказалъ въ–слухъ: «Возможное ли, сбыточное ли это дѣло, чтобы я просидѣлъ съ нею рядомъ цѣлую ночь, и догадался и узналъ объ этомъ уже тогда, какъ тащусь голодный, усталый и измученый цѣлый перегонъ пѣшкомъ и съ каждымъ шагомъ вдвойнѣ отъ нея удаляюсь? Не уже ли все это истина и я не сплю, но во снѣ, не въ бреду и не сошелъ съ ума? Или весь свѣтъ оборотился вверхъ дномъ и обрушился на меня бѣдовика̀ ?» Это проговорилъ онъ въ–слухъ, да некому было подслушать его: все вокругъ мертво, темно и тихо!

Да, Евсей Стахѣевичь, еслибы вы подстерегли, чтѣ теперь говоритъ вѣрный слуга и сподвижникъ вашъ, Корней Власовъ, такъ вы бы опять присказку его примѣнили къ себѣ, какъ намедни, когда онъ, ломая изъ себя кирасира, подбоченился и кричалъ презрительно: «не пылить, пѣхота, не пылить!»

А Корней Власовъ, сидя въ раздумьи въ Помераньѣ и разсуждая о томъ, что онъ потерялъ барина своего, и что ненадо было

пускать его ни на шагъ, ни на пядь отъ кареты, что такъ всегда русскій человѣкъ бываетъ крѣпокъ заднимъ умомъ, — прибавилъ еще къ этому вотъ что: «мужикъ видѣлъ во снѣ горячій кисель, да не случилось ложки, не чѣмъ было похлебать; на другую ночь мужикъ догадался, легъ спать да взялъ съ собою ложку, такъ ужь не видалъ киселя». И вотъ эту–то присказку Евсей Стахѣевичь примѣнилъ бы теперь, можетъ статься, къ себѣ, если бы ее услышалъ. Присказка говорилась съ–вечера, а Лировъ пришелъ уже въ Померанье, выбившись почти–вовсе изъ силъ, часу въ десятомъ утра: смотритъ, у подъѣзда, гдѣ всегда становятся дилижансы, все пусто — ни колеса, ни пѣлоза; одинъ только Корней Горюновъ сидитъ, подгорюнясь, на крыльцѣ почтоваго дома и вздыхаетъ тяжело и глубоко, будто везетъ на себѣ возъ сѣна, и охаетъ и крестится, поминая безъ–вѣсти пропавшаго барина своего, съ которымъ, то–есть съ пропавшимъ, не знаетъ ка̀къ быть и что̂ дѣлать.

Лировъ узналъ, что дилижансъ ушелъ уже съ разсвѣтомъ; бояринъ, принявшій такое родное участіе въ судьбѣ Евсея, очень по немъ заботился и безпокоился, прождалъ до разсвѣта, разсылалъ верховыхъ во всѣ стороны, но наконецъ разсудивъ, что человѣкъ въ своемъ умѣ не можетъ же провалиться сквозь землю и, выслушавъ разсказъ Власова, что баринъ его и намедни выкинулъ–было такую же штуку, отправившись ни съ–того, ни съ–сего пѣшкомъ въ Грузино, сказалъ: «съ такимъ чудакомъ, а, можетъ быть, и полуумнымъ, мудрено будетъ справиться, да и ждать его мнѣ право не досугъ» — и за тѣмъ уѣхалъ. Корней Горюновъ, исчерпа̀ясь въ догадкахъ, разсказалъ, правда, для примѣра, быль, что у нихъ въ полку также кто–то пропалъ–было безъ–вѣсти, да отъискали его въ передней, на лавкѣ, гдѣ было–завалили съ ногъ до головы шинелями; «онъ, вишь, былъ хмѣленъ» говоритъ Власовъ «да прилегъ; его въ–потьмахъ и завалили»; — но примѣръ этотъ не слишкомъ утѣшилъ нашего боярина, который думалъ еще,

можетъ быть, видѣть въ этомъ намекъ на незнакомую ему доселѣ слабость Лирова. Вотъ какъ нашъ Власовъ поправляется изъ кулька въ рогожу, и вотъ что называется по–русски: «простота хуже воровства».

Лирову стало такъ совѣстно передъ благороднымъ человѣкомъ, которому былъ столько обязанъ, такъ совѣстно, что онъ уже никакъ не могъ рѣшиться ѣхать за нимъ въ–слѣдъ въ Петербургъ; Евсею, казалось, происшествіе это должно было, какъ блаженныя памяти во градѣ Малиновѣ, надѣлать въ столицѣ столько шума и тревоги, что его, Лирова, вѣрно ожидаютъ уже у московской, въ Петербургѣ, заставы и отъ самой заставы этой по всѣмъ улицамъ и переулкамъ будутъ встрѣчать и провожать любопытные съ насмѣшливою улыбкой и поклонами. Сверхъ этого, ка̀къ показаться на глаза благодѣтелю своему и опять, какъ будучи въ Питерѣ, не показаться? Словомъ, изъ этой ловушки не видѣлъ онъ лазейки и, не смотря на волчій голодъ свой, принялся за поданный ему завтракъ въ самомъ отчаянномъ расположеніи духа.

Смотритель, какъ человѣкъ опытный, наглядѣвшійся на проѣзжихъ всякаго покроя, тотчасъ угадалъ, что этотъ не погнушается вступить съ нимъ въ бесѣду, подсѣлъ, началъ мотать разговоръ на свой ладъ и, разсказавши, что прослужилъ въ незапамятныя времена девять лѣтъ вахмистромъ, что былъ потомъ въ Москвѣ квартальнымъ поручикомъ, поймалъ въ 812 году семь возовъ міродеровъ, то–есть, мародеровъ съ семью возами клади, что за это не поровну досталось, а кому чинъ, кому блинъ, а ему, квартальному поручику, клинъ, что онъ, не клинъ то–есть, а квартальный, былъ во всѣхъ страженіяхъ, и въ разныхъ командировкахъ не разъ жизнь терялъ, и прочее, нашатнулся случайно опять на бѣду бѣдовую Евсея Стахѣевича и никакъ не могъ понять, какимъ образомъ это могло приключиться такое происхожденіе — и въ десятый разъ сталъ допытываться: «по знакомству ли Евсей Стахѣевичь пересѣлъ въ другой дилижансъ, или отъ погрѣшности?» И Лирову теперь только вошло въ голову спросить смотрителя, не знаетъ ли онъ, кто таковы

были проѣзжіе, къ которымъ бѣдный Евсей подсѣлъ незванымъ гостемъ. «Кому же знать коли не намъ?» отвѣчалъ смотритель самодовольно: «генералъ этотъ высокородный, по–нашему, по–старинному – бригадиръ; а по фамиліи прозывается онъ господинъ Оборотневъ. Ужь онъ вотъ на одномъ мѣсяцѣ другой разъ взадъ и впередъ проѣхалъ, видно по дѣламъ какимъ; а онъ, говорятъ, опекуномъ у барынь этихъ, да никакъ еще и женихъ, какъ сказывалъ намедни человѣкъ его, такъ съ ними вотъ все и ѣздитъ.» Долго мялся и таился Евсей, но наконецъ, раздумавъ и разсудивъ основательно, что чинъ и прозваніе опекуна и жениха никакъ не могутъ вести къ заключенію о званіи и прозваніи опекаемыхъ, то–есть находящихся у него подъ опекою, рѣшился – да, рѣшился налить полный стаканъ кваса, поднести его вплоть ко рту, спросить скороговоркою, упершись глазами въ стаканъ: «а кто таковы барыни эти, вы чай не знаете?» и въ–слѣдъ за тѣмъ осушить бычкомъ, безъ разстановки, весь стаканъ. Когда же смотритель объявилъ съ

прежнимъ самодовольствіемъ, что это была помѣщица Голубева съ дочерьми, то я уже неожиданное обстоятельство, что стаканъ не выкатился изъ рукъ Лирова и не разшибъ стоявшей подъ нимъ тарелки, приписываю тому, что преслѣдующая Лирова злая судьба едва–ли не натѣшилась надъ бѣдовикльмъ нашимъ до–сыта и едвали не хочетъ уже нынѣ исподволь надъ нимъ смиловаться. Въ–самомъ–дѣлѣ, удивленіе Лирова, изумленіе, испугъ и пораженіе его были свыше всякаго описанія; Евсей такъ быстро измѣнился въ лицѣ, что даже и смотритель привсталъ со стула своего и не договорилъ послѣдняго слова. Лировъ повторилъ тотъ же вопросъ, едва не заставилъ старика–смотрителя присягнуть, не только побожиться, далъ ему за неожиданную и повидимому добрую вѣсть цѣлковый; потомъ походилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, схватилъ съ карниза печки лучинку, остановился, разглядѣлъ ее пристально, будто еще колебался ка̀къ съ нею быть — лице его загорѣлось, въ немъ сильно выразился переходъ къ какой–то геройской рѣшимости: быстрымъ и

сильнымъ движеніемъ рукъ Евсей переломилъ завѣтную лучинку на–двое, развелъ концы, поглядѣлъ на нихъ, кинулъ, и вдругъ объявилъ, съ твердостію, которая совсѣмъ къ нему не шла, что онъ ѣдетъ назадъ, въ Москву. Въ–слѣдъ за тѣмъ, началъ онъ торопить смотрителя, преслѣдуя его шагъ за шагомъ, пуще всякаго фельдьегеря. Смотритель, повторяя на ходу: «сей–часъ сей–часъ», поглядывалъ искоса на Лирова, какъ глядятъ на человѣка, у котораго на вышкѣ обстоитъ неблагополучно, или по–крайности сомнительно; а краснорѣчивое, могучее «пустяки, сударь!», которымъ Корней Горюновъ хотѣлъ угомонить и озадачить барина своего, ударило какъ горохъ въ стѣну и не удостоилось даже отвѣта. Это въ свою очередь озадачило и сбило съ толка Власова; получивъ повторительное приказаніе укладываться, онъ не нашелся, особенно когда сѣрые, вопросительные глаза его, встрѣтились съ положительнымъ отвѣтомъ темнокарихъ очей Лирова. Власовъ, вздохнувъ, вышелъ укладывать амуницію барина въ повозку и ворчалъ

при–этомъ въ–слухъ: «Вяжи да путай, верти да кутай, мотай да плутай — авось до чего–нибудь доѣздимся. Пожалуй! мнѣ все равно: я не пропаду — завези меня куда хочешь; да ужь пѣшкомъ не пойду его искать въ другой разъ по бѣлу свѣту, хоть тони, хоть гори!» И въ–сердцахъ выкинулъ порожнюю бутылку отъ киліановской примочки, чего бы въ полномъ и здоровомъ умѣ своемъ конечно никогда не сдѣлалъ. Видно оба они повихнулись, и хвостъ и голова, и баринъ и слуга, или — оба добились до ума.

Телегу подали; Евсей сѣлъ, поскакалъ и гналъ и въ хвостъ и въ голову.

—

ГЛАВА 9.

ЕВСЕЙ СТАХѢЕВИЧЬ ДО ЧЕГО–НИБУДЬ ДОѢЗДИЛСЯ.

Поведеніе Лирова передъ отъѣздомъ его изъ Померанья, въ–самомъ–дѣлѣ, было очень–странно. Что какая–нибудь

нечаянная и неожиданная вѣсть его изумила, что онъ, опомнившись, вдругъ рѣшился ѣхать назадъ и догонять, во что бы ни стало, дилижансъ, изъ котораго самъ на–канунѣ выскочилъ и бѣжалъ какъ отъ огня — все это еще понять и объяснить кой–какъ можно; хотя при всемъ томъ весьма сомнительно, чтобы онъ догналъ на шестистахъ верстахъ дилижансъ, который ушелъ уже верстъ за сотню впередъ; но чтѣ значитъ гаданье это или ворожба на лучинкѣ, и можно ли было предполагать въ Лировѣ, съ которымъ мы ознакомились уже довольно–коротко, такое ребячество или суевѣріе? Но объ этомъ послѣ. Поспѣшимъ теперь за Лировымъ: онъ скачетъ, сломя голову, и если мы отъ него отстанемъ, то, можетъ быть, намъ также трудно будетъ догнать его, какъ и ему теперь ушедшій отъ него таинственный дилижансъ.

Корней Горюновъ молчалъ или ворчалъ про себя, и далъ барину своему уходиться, проскакавъ съ нимъ во всю ивановскую безъ одной двадцать станцій, то–есть до самаго Клина, — и дивился только и смотрѣлъ, откуда взялась рысь! Прежде,

бывало, коли Власовъ не прійдетъ доложить, что лошади готовы, такъ баринъ просидѣлъ да продумалъ бы, пожалуй, хоть до вечера; а теперь — и мечется и суетится, и упрашиваетъ и бранится, да еще и соритъ деньгами; что это за диво? Этакъ, пожалуй, проскакать можно еще разъ пятокъ отъ Клина до Померанья, коли хватитъ единовременнаго жалованья, да что жь въ этомъ будетъ прока? На каждой станціи Власовъ собирался требовать въ этомъ отвѣтъ и отчетъ у барина своего; но этотъ былъ всегда такъ неусидчивъ и недосуженъ, что ни раза не дослушалъ и половины предисловія Власова, когда этотъ подходилъ, прокашлявшись, и начиналъ: «Евсей Стахѣевичь! я служилъ вѣрой и правдой царю государю своему 25 лѣтъ»... или: «у насъ, сударь, въ полку былъ» — и прочее. По-этому Власовъ, заглянувъ еще разъ въ бумажникъ и въ кошелекъ, рѣшился и положилъ, чтобы барину его Клинъ клиномъ пришелся: чтобы тутъ кончить и развязать дѣло, во что бы ни стало. А потому, когда Евсей легъ потянуть разбитые хрящи и кости свои на столь-

знакомый всѣмъ проѣзжимъ кожаный диванъ, на которомъ днемъ можно еще лежать довольно–безопасно, то Власовъ, проворчавъ предисловіе свое на дворѣ и на крыльцѣ, вошелъ и началъ прямо съ дѣла, такъ: «А что, сударь, Евсей Стахѣевичь, долго мы будемъ еще этакъ ловить чорта за хвостъ, гоняться безъ толка промежь Питера и Москвы, словно насъ кто съ–тыла жегаломъ ожегъ?»

— Недолго. Поди, спроси скорѣе, давно ли проѣхалъ дилижансъ съ Оборотневымъ?

«Чего, сударь, спрашивать, помилуйте! Да онъ давно въ Москвѣ; и ямщики всѣ говорятъ, и смотритель говоритъ, что давно въ Москвѣ. Власть ваша, Евсей Стахѣевичь, а это, сударь пустяки, ей–Богу пустяки!»

— Не ворчи же, старый хрычь, ты мнѣ надоѣлъ. Вотъ тебѣ полтинникъ, поди выпей, да лягъ въ телегу и спи.

«Не видалъ я, сударь, вашего полтинника! Да я, сударь, украду его у чужаго человѣка, а отъ васъ не возьму даромъ! Полтинникъ! да вы, сударь, ужь 17 рублевъ съ полтиной моихъ проѣздили, да я молчалъ, такъ что мнѣ полтинникъ вашъ!

— Какъ твоихъ проѣздилъ?

«Да такъ, сударь, проѣздили, да и только. Я еще въ Твери докладывалъ вамъ, что деньги всѣ, а вы, знай, молчите; что жь я стану дѣлать? тутъ дѣло дорожное, помѣчать негдѣ, а ужь я ихъ не укралъ, — мнѣ вашего не надо. Тутъ вы думаете по–нашему? Нѣтъ, сударь, двугривенный за миску щей, а щи хоть портянки полощи, да еще и хлѣба не даетъ собака, и никому даже не уважаетъ!»

— Какъ всѣ, братецъ? Не ужь–то мелочь — не деньги, а чтъ было въ бумажникѣ — не ужь–то они всѣ?

«Да вотъ онъ, сударь, бумажникъ: извольте считать, много ли найдете! У меня своихъ никакъ рублевъ со сто–шестьдесятъ наберется — и будемъ ѣздить, поколѣ до чего–нибудь ни доѣздимся; ваша власть!»

— Кой чортъ моя власть! — подумалъ Лировъ, вскочилъ съ дивана и принялся ходить по комнатѣ. Да, подлинно, въ Клинѣ ему свѣтъ клиномъ сошелся; въ Черной–Грязи посидѣлъ онъ въ грязи; одно только Чудово озарило его чудомъ — да и то не знать еще, чѣмъ оно кончится и куда

потянетъ, не то опять въ грязь, не то на чистую воду, — а Евсей, чай, боится и того и другаго!

Евсей нашъ думалъ, думалъ, думалъ — и ничего не выдумалъ. Теперь ужь все равно, разсудилъ онъ наконецъ: торопиться нѐкуда, уже я ихъ не нагоню; переночую, подумаю — а видно нѐчего больше дѣлать, какъ пуститься искать ихъ въ Москвѣ. Искать! а гдѣ искать? и чѣмъ доѣхать и чѣмъ тамъ прожить?

Стало смеркаться; Евсей не смѣлъ спросить и чая, а велѣлъ подать стаканъ воды. Власовъ поставилъ его на окно и вышелъ; а баринъ его, походивши, хотѣлъ пить воду эту, да хлебнулъ фонарнаго масла и чуть не подавился поплавкомъ ночника, который былъ устроенъ въ стаканѣ же и стоялъ на окнѣ, рядомъ со стаканомъ воды. Евсей выплюнулъ, запилъ водою и пошелъ на крыльцо; а здѣсь одна изъ почтовыхъ красавицъ, поигрываючи какъ кошка въ сумерки, лукнула поперегъ крыльца въ ямщиковъ метлой, и — бѣдный Евсей подвернувшись не успѣлъ даже закрыться отъ нея рукой. Изъ всего этого

Евсей заключилъ, что недобрый, который обошелъ его, видно, при самомъ рожденіи, все еще его не покинулъ и что надобно, собравшись съ духомъ, выжидать конца, утѣшаясь поговоркою нашихъ Калмыковъ, которые говорятъ въ такомъ случаѣ только: «что дѣлать! она–ево такъ не будишь, она–ево какъ–нибудь да будишь». Евсей зналъ по опыту, что всякая большая бѣда сказывалась ему напередъ бездѣльными досадами и непріятностями, и на–оборотъ, всякое несчастіе отзывалось еще нѣсколько времени докучливыми, мелочными перекорами; по–этому онъ и былъ увѣренъ, что все это дѣлается теперь на новую бѣду, или въ поминъ старой, которая выпроводила его въ недобрый часъ на московскую большую дорогу, протаскала взадъ и впередъ, туда и сюда, и наконецъ отвела самый безтолковый ночлегъ въ Клинѣ, заставивъ издержать преждевременно всѣ поскребыши его казны. А если бы Евсею теперь вздумалось занять, то, вѣроятно, пришлось бы, по примѣру Испаніи, обезпечить заемъ залогомъ и платить еще 40 со ста.

Передъ свѣтомъ прибыла на станцію изъ Москвы коляска съ какимъ–то каммер–юнкеромъ, и Евсей, проснувшись отъ возни и стука, узналъ въ прислугѣ проѣзжаго — пріятеля и сослуживца своего, отставнаго писца, а ныне отставленнаго кондуктора дилижансовъ, Иванова. Лировъ притворился спящимъ, но этимъ не отдѣлается; Ивановъ облобызалъ его соннаго, подсѣлъ и заговорилъ до смерти. Не станемъ повторять въ–слѣдъ за нимъ всѣхъ пошлостей, увѣреній въ любви и дружбѣ, обѣщаній ходатайства въ обѣихъ столицахъ, а наконецъ и простодушнаго предложенія — не угодно ли–де выкупить теперь плащь свой, — а перейдемъ къ главному: Ивановъ истязалъ и мучилъ бѣднаго Евсея до–того, что этотъ, сколько ни отмалчивался, какъ ни отнѣкивался, а наконецъ высказалъ ему таки что ѣдетъ въ Москву отъискивать Голубеву.

«Голубеву?» спросилъ Ивановъ. «Помилуй, братецъ, да они ужь Богъ–вѣсть гдѣ! Она теперь уже въ Крыму.»

Лировъ за словомъ отворотился отъ пріятеля своего и замолчалъ; но тотъ

преслѣдовалъ его сыщикомъ, цѣплялся за него репейникомъ, увивался около него вьюномъ: «да какъ ее зовутъ, Голубеву твою?» спросилъ онъ наконецъ, повторилъ вопросъ свой сто разъ, не отвязывался, не отставалъ, такъ что Евсею уже ничего не оставалось, какъ отвѣчать, что ее зовутъ Марьей Ивановной.

«Ну, такъ и есть! Чему же ты дивишься тутъ, я не понимаю» продолжалъ Ивановъ: «коли я тебѣ говорю на вѣрно, что Марья Ивановна Голубева уѣхала съ дочерьми своими въ Крымъ?»

— Да помилуй, братецъ, она только–что пріѣхала изъ Петербурга, можетъ быть вчера — не прежде!

«Ну да, знаю, и прямо проѣхала въ Крымъ. Чему же тутъ дивиться? Да коли не вѣришь и коли обстоятельство это для тебя важной относительности, такъ спроси поди вотъ у моего каммер–юнкера, съ которымъ я поѣхалъ по пути: онъ знаетъ ее и знаетъ, что она уѣхала въ Крымъ.»

Обстоятельство это было для Лирова точно «важной относительности», говоря языкомъ Иванова, и Евсей рѣшился узнать

лично отъ каммер–юнкера, не вретъ ли попутчикъ его. «Какая Голубева?» спросилъ тотъ. «Я, сколько помню, не знаю и не зналъ ни одной.» Ивановъ подскочилъ, сорвалъ съ головы кожаный картузъ свой и пояснилъ: «та самая, ваше высокородіе, что еще на ѳоминой недѣлѣ пріѣзжала просить, чтобы выхлопотать на–скоро отпускъ племяннику, который служитъ у Ивана Петровича — изволите припомнить, въ черномъ платьѣ — я на ту пору случился у вашего высокородія, съ извѣщеніемъ объ отбытіи дилижанса.»

— А, помню, сказалъ каммер–юнкеръ, да, я только не зналъ, какъ ее зовутъ. Да, она и просила объ отпускѣ племянника въ Крымъ. Помню.

Коли такъ, подумалъ Лировъ, отступая почтительно и повиснувъ карманомъ своимъ на дверной ручкѣ или на ключѣ: коли такъ, — то видно я до чего–нибудь доѣздился, какъ пророчилъ мнѣ Власовъ — и насилу распуталъ карманъ свой и насмѣшилъ каммер–юнкера, и пошелъ–себѣ опять думать. Ему и въ голову не пришло спросить каммер–юнкера, когда

именно женщина въ черномъ платьѣ уѣхала съ племянникомъ своимъ въ Крымъ; Евсей услышалъ бы, что этому уже три или четыре недѣли, а слѣдовательно Ивановъ вретъ на–чисто; но Евсея вѣсть эта такъ озадачила, что онъ пошелъ ходить и думать обо всемъ на свѣтѣ, только не о дѣлѣ. «Судьба» подумалъ онъ — «это одно пустое слово. Что такое судьба? Въ звѣринцѣ этомъ, на землѣ, все предварительно устроено и приспособлено для содержанія нашего; потомъ мы пущены туда, и всякій бредетъ, куда глаза глядятъ, и всякой городитъ и пригораживаетъ свои избы, палаты, чердаки и землянки, капканы, ловушки, верши и учуги, роетъ ямки, плететъ плетни, гдѣ кому и какъ вздумается. Кто куда забредетъ, тотъ туда и попадетъ. Міръ нашъ — часы, мельница, пожалуй паровая машина, которая пущена въ ходъ и идетъ себѣ своимъ чередомъ, своимъ порядкомъ, не думаетъ, не гадаетъ, не соображаетъ, не относитъ дѣйствій своихъ къ людямъ и животнымъ, а дѣлаетъ свое, хоть попадайся ей подъ колеса и полозья, хоть нѣтъ; а кто съ–дуру

подскочилъ подъ коромысло, того тяпъ по головѣ, и духъ вонъ. Коромысло этому не виновато — у него ни ума, ни глазъ; оно ходило и ходитъ взадъ и впередъ, прежде и послѣ, и ему нѣтъ нужды ни до живыхъ, ни до убитаго. Не для меня опредѣлила контора дилижансовъ выжимки эти, Иванова, въ проводники; не для меня его и протурила, чтобы онъ встрѣтился опять со мною въ службѣ каммер–юнкера; не для меня Оборотневъ оставилъ порожнее мѣсто въ дилижансѣ своемъ, а я его занялъ самъ; я влѣзъ въ галиматью эту, проторилъ себѣ туда колею, и покуда не выбьюсь изъ нея, не кинусь въ сторону, вся бѣда эта будетъ ходить по мнѣ; отойди я — и все это пойдетъ тѣмъ же чередомъ и порядкомъ, да только не по моей головѣ. По–этому судьба — пустое слово; моя свободная воля идти туда, сюда, куда хочу, и соображать и оглядываться, чтобы не подставлять затылка коромыслу.

«А если и коромысло и вся машина — невидимка, подумалъ про себя Лировъ, такъ чтъ мнѣ тогда въ свободной волѣ моей и въ хваленомъ разумѣ, коли у меня

звѣзды–путеводительницы нѣтъ, а я иду на–угадъ? А если, сверхъ этого, при всемъ посильномъ стараніи и отчаянномъ рвеніи моемъ, куда бы я ни кинулся, всегда попадаю на шестерню, на маховое колесо, подъ коромысло, на запоры и затворы или волчьи ямы? Тогда чтѣ, тогда какъ прикажете назвать причину неудачь моихъ и плачевной моей доли?

Я просто бѣдовѐкъ; толкуй всякой слово это какъ хочетъ и можетъ, а я его понимаю. И какъ же мнѣ его не понимать, коли оно изобрѣтено мною, и по–видимому для меня? Да, этимъ словомъ, могу сказать, обогатилъ я русскій языкъ, истолковавъ на дѣлѣ и самое значеніе его!»

Евсей все думалъ, думалъ, думалъ и все–таки опять не могъ понять, какъ онъ просидѣлъ ночь на–пролетъ рядомъ съ головкой въ кіотѣ, въ одной каретѣ съ Марьей Ивановой — и — и — и — только. Но головка эта не давала ему покоя: забывшись, онъ нѣсколько разъ обмахивался рукой и наконецъ проговорилъ въ совершенномъ отчаяньи: «да отвяжись, несносная!» Но она, видно, отбилась вовсе

отъ рукъ и не думала слушаться, и Лировъ прибѣгнулъ къ крайнему въ такихъ случаяхъ — у него, по–крайней–мѣрѣ, — средству. Онъ принялся записывать какія–то отмѣтки на лоскуткѣ; потомъ всталъ, вышелъ, завернулъ въ бумажку эту камешекъ и закинулъ какъ–можно–дальше; черезъ тынъ. Хорошо, что никто продѣлки этой не видалъ: камешекъ угодилъ въ окно сосѣдней избы и расшибъ его въ–дребезги. Когда стекло брякнуло, то Лировъ, при всей честности своей, ушелъ безъ оглядки въ комнату, потому–что ему и заплатить за окно было теперь нѝчѣмъ.

Надобно пояснить эту загадочную продѣлку: она, изволите видѣть, принадлежала къ одному разряду съ ворожбою на лучинѣ. Если Лировъ хотѣлъ окончательно и положительно рѣшиться на важное для него дѣло, если онъ хотѣлъ, чтобы дѣло это было кончено и рѣшено, безъ всякихъ оглядокъ, рѣшительно и положительно, то онъ бралъ прутикъ, лучинку, щепку, и, вообразивъ себѣ, что передъ нимъ, въ видѣ лучинки этой, лежитъ нерѣшенное дѣло, вдругъ, съ усильнымъ

напряженіемъ, ломалъ ее или еще лучше рубилъ пополамъ; тогда, глядя на обломки, или обрубки, онъ убѣждалъ самого–себя, что измѣнить рѣшеніе уже невозможно, передѣлать дѣла нельзя, также точно, какъ ни коимъ образомъ нельзя уже обратить въ первобытное состояніе расколотую щепку. Прибѣгнувъ къ этому крайнему средству, Евсей уже былъ непоколебимъ и даже многосильное «пустяки сударь», Корнея Горюнова произносилось безуспѣшно. Если же у Лирова что–нибудь лежало слишкомъ тяжело на сердцѣ, удручало и мучило его, не давало ему покоя, тогда онъ писалъ бѣду и горе свое загадочными словами на лоскуткѣ бумажки и, собравшись съ духомъ, напрягая воображеніе свое самымъ усильнымъ образомъ, бросалъ бумажку въ огонь или закидывалъ такъ, чтобы ея уже болѣе не видать: это, по основанному на опытѣ убѣжденію, помогало. Евсей воображалъ тогда, что скинулъ ношу свою съ плечь, что закинулъ ее и уничтожилъ. Что же наконецъ до разбитаго окна, то это уже обстоятельство случайное, не

входившее вовсе въ предначертаніе гимнастики и кабалистики Лирова.

Камень съ запиской надѣлалъ однако же въ избенкѣ много тревоги, и даже независимо отъ разбитаго окна: смотрителю принесли бумажку и просили прочитать; этотъ съ величайшимъ трудомъ, разобралъ: «Головка твоя съ плечь моихъ, аминь!»; потомъ еще нѣсколько таинственныхъ знаковъ — и только. Бабы побѣжали за какимъ–то знахаремъ, который отчитывалъ порчу, потому–что въ этомъ только смыслѣ могли понять содержаніе записки, и легко вообразить, въ какомъ страхѣ сидѣлъ и вертѣлся и прохаживался бѣднякъ Евсей, покуда все это кончилось и успокоилось, и никто его не видалъ и не выдалъ — не заподозрѣлъ и не подозрѣвалъ. Итакъ, Евсей попалъ въ кудесники; не даромъ, по–крайней–мѣрѣ, онъ поворожилъ!

—

ГЛАВА 10.

ЕВСЕЙ СТАХѢЕВИЧЬ, ВО ОЖИДАНІИ БУДУЩИХЪ БЛАГЪ, СИДИТЪ НА ОДНОМЪ МѢСТѢ.

«У Татарина, что у собаки, души нѣтъ, а одинъ только паръ» — говорилъ Корней Горюновъ, разсуждая съ кѣмъ–то, и Евсей, пустившійся, какъ мы видѣли, отъ нечего–дѣлать, въ размышленія и разсужденія, сталъ разбирать, самъ про себя — чтѣ такое душа? Онъ былъ уже очень–близокъ къ окончательному выводу, когда Власовъ задалъ ямщикамъ другую загадку: «десять плечь, пять головъ, а четыре души; десять рукъ, сто пальцевъ, а ходитъ лежа, на восьми ногахъ; пойдетъ самъ–пятъ, воротится самъ–четвертъ: что за звѣрь?» Загадка эта мучила и палила Евсея такъ, что онъ на–время забылъ даже неотвязчивую головку, которую закинулъ въ окно сосѣда, забылъ все, бился и маялся, но не хотѣлъ спросить объясненія у Корнея, который сказалъ бы ему, что это покойникъ, котораго несутъ вчетверомъ въ могилу. Въ такомъ положеніи мы можемъ на время оставить Евсея, потому–что думы

Стахѣевича бываютъ иногда довольно–плодовиты — а дожидаться конца ихъ долгонько; итакъ отправимся на–часъ–мѣста въ Малиновъ. Я, признаться, нарочно заставилъ Корнея задать барину сперва вопросъ душесловный, а потомъ загадку: читатели увидѣли изъ этого, какъ легко Евсей нашъ уносился думою своею въ любую сторону и какъ упорно увязывался за всякимъ предметомъ, за которымъ пускалось уносчивое воображенiе его.

И въ–самомъ–дѣлѣ, чтъ дѣлаютъ между–тѣмъ Малиновцы наши и каково–то они поживаютъ? Все слава Богу; а происшествiя были тѣмъ временемъ въ Малиновѣ разныя — чѣмъ богаты тѣмъ и рады:

Во–первыхъ, тотъ самый коллежскiй ассесоръ, котораго Лировъ назвалъ лошадью, отправился намедни куда–то, гдѣ продавались оставшiяся послѣ умершаго вещи съ–молотка. У лошади этой была похвальная, но невсегда умѣстная привычка, пьходя спать; онъ весьма–нерѣдко засыпалъ сидя гдѣ–нибудь на стулѣ, или прислонившись къ стѣнкѣ, къ

печи. То же самое случилось и здѣсь; а когда стукнули въ послѣдній разъ молоткомъ, продажа кончилась, всѣ начали шаркать, шумѣть и расходиться, — тогда Иванъ Ѳомичь проснулся и спросилъ поспѣшно: «а что я выигралъ?» Онъ думалъ спросонья, что пришелъ на лоттерею.

Во–вторыхъ, въ Малиновѣ было подано явочное прошеніе о бѣжавшемъ, гдѣ было сказано: «Въ каковой день означенный Колесниковъ самопроизвольно и неизвѣстно отлучился, не учиня впрочемъ ничего противузаконнаго; кромѣ того, что на немъ былъ поддѣвокъ сѣраго сукна, шаровары полосатые, да сапоги выворотные.» А жировскій городничій, въ–слѣдствіе требованія губернскаго статистическаго комитета, отношеніемъ своимъ увѣдомлялъ, что по графѣ «нравственность», въ статистическихъ таблицахъ, сдѣлано надлежащее распоряженіе; а именно: «какъ оной нравственности въ городѣ не оказалось, то и отнесенось къ исправнику, не окажется ли таковой въ уѣздѣ.» Отношеніе

городничаго было принято комитетомъ къ свѣдѣнію.

Въ–третьихъ, съ Онуфріемъ Парфентьевичемъ, о которомъ Лировъ говорилъ, что онъ похожъ тѣломъ и душою на вола, съиграли шутку: у Онуфрія былъ старый сѣраго сукна сертукъ, лѣтъ десять знакомый всѣмъ жителямъ Малинова. Сертукъ этотъ, по случаю нездоровья Онуфрія Парфентьевича, провисѣлъ съ недѣлю на вѣшалкѣ. У Онуфрія былъ еще, кромѣ этого, какой–то племянничекъ, недавно прибывшій въ Малиновъ на попеченіе старика, вольношатающійся изъ дворянъ. Этотъ повѣса, воспользовавшись отдыхомъ сертука, намочилъ ему воротникъ хорошенько водою, посѣялъ кресу и поливалъ его очень–прилежно два раза въ день. Разумѣется, что кресъ взошелъ, выросъ, и въ Малиновѣ разсказывали, будто Онуфрій Парфентьевичь, со–слѣпу, не разглядѣлъ этого обстоятельства и явился въ присутствіе съ кресовымъ воротникомъ.

За–тѣмъ, соображенія мои и догадки повивальной бабки насъ не обманули: дѣло,

относительно извѣстнаго читателю хлѣбника или булочника, пошло очень–удачно, и у Перепетуи Эльпидифоровны былъ по этому случаю выходъ, гдѣ всѣ поздравляли ее съ вождѣленнымъ успѣхомъ и многіе увѣряли ее и божились, что посылаютъ за сухарями всегда къ ея только хлѣбопеку. Почтмейстершѣ также досталось порядкомъ за измятую наколку вице–губернаторши, тѣмъ болѣе, что торги на поставку вина были уже кончены, и наколка при–этомъ вовсе упущена изъ вида. Замѣтимъ мимоходомъ, что вице–губернаторша всѣ наряды свои выписывала изъ Петербурга, потому–что въ Москвѣ господствуетъ какая–то пестрота и безвкусица. За–это вице–губернаторша была рѣшительно первая барыня въ Малиновѣ. Далѣе: полицмейстерша дѣйствительно разошлась съ супругою перваго члена Межевой Конторы; это было на гуляньѣ подъ Каменной–Горой: полицмейстерша пошла въ одну сторону, а супруга 1–го члена въ другую; болѣе онѣ не встрѣчались, потому–что полицмейстерша наказала строго дочери своей Олинькѣ,

чтобы она быстрыми глазенками своими слѣдила неотступно супругу 1–го члена, во все гулянье, и на другое и на третье воскресенье то же, и давала бы знать матери, если непріятельница угрожаетъ съ которой–нибудь стороны фланговымъ движеніемъ, или нападеніемъ въ тылъ. Между–тѣмъ, однако же, губернаторша, предвидя грозу, сказала шутя полицейскому чиновнику: «смотрите, Иванъ Осиповичь, чтобы у васъ на гуляньѣ сегодня не вспыхнулъ пожаръ». Иванъ Осиповичь, вскочивъ съ мѣста, вытянулся въ струнку и спросилъ не призадумавшись: «А не прикажете ли, ваше превосходительство, привезти пожарныя трубы?»

Между–тѣмъ, часу въ седьмомъ вечера, въ воскресенье жь, на вечернемъ толчкѣ, на малиновскомъ рынкѣ, толпилось довольно народа; кто покупалъ, кто только прицѣнялся, кто продавалъ, а кто просто толкался, потому–что вечерній базаръ или толчекъ, этотъ — настоящій, коренной источникъ всѣхъ новостей и слуховъ — составляетъ любимое гулянье значительной

части малиновскаго народонаселенія. Если, напримѣръ, губернаторъ думалъ ѣхать по губерніи, то на малиновскомъ рынкѣ знали это уже тремя сутками ранѣе, чѣмъ въ Губернскомъ Правленіи. Этого мало: на рынкѣ знали иногда такія вещи, которыя происходили наканунѣ за 500 или 1,000 верстъ; такъ, напримѣръ, увѣряютъ положительно, что вѣсть о петербуржскомъ наводненіи, въ 1824 году, разнеслась по малиновскому толчку, а потомъ и по цѣлому городу, на другой же день, въ вечеру. Какимъ образомъ это дѣлается — объяснить не умѣю.

Итакъ на вечернемъ толчкѣ, въ Малиновѣ, стояла, словно долбленый, рѣзной истуканъ, торговка, обвѣшанная съ ногъ до головы всякими проказами. На головѣ офицерская шляпа, на ней чепецъ, къ нему приколоты съ боковъ ленты, перчатки, косынки; на плечахъ валеные чулки и носки; въ рукахъ канарейка въ клѣткѣ, изломанные счеты, Антенорово Путешествіе — вторая часть, а за плечами — знаменитыя картины изъ романа «Павелъ и Виргинія», четыре времени года, четыре

возраста въ лицахъ и Малекъ–Адель; черезъ руки перекинуты платья, истасканные большіе платки, до которыхъ малиновскія барышни — извините за отступленіе — большія охотницы, потому–что подъ большимъ платкомъ не нужно застегивать платья; — словомъ, на торговкѣ этой было все, какъ на украинской ярмаркѣ Грыцька Основьяненка, даже охотничья сумка черезъ плечо, и въ сѣткѣ пѣнковая трубка и старый шандалъ.

Торговка эта стояла, словно чучело, и смиренно позволяла каждому прохожему перелистывать, перебирать и разбирать разнородный товаръ свой, когда подошла къ ней пожилая женщина, въ довольно–поношенномъ шелковомъ платьѣ, въ вишневыхъ атласныхъ башмакахъ, въ простой, бумажной, большой косынкѣ и въ нарядномъ чепцѣ, на которомъ широкія и плотныя ленты явно изобличали подарокъ вице–губернаторши; по–крайности знатокъ замѣтилъ бы, что ленты были не московскія. Женщина эта поздоровалась съ торговкой, назвала ее по имени и отчеству, разсматривала, такъ, изъ любопытства,

товаръ ее, и разспрашивала о новостяхъ. Судя по продолжительному разговору и по выраженію бездушнаго лица, она забранными вѣстями и справками осталась довольна. Простившись съ торговкой, подняла она неказистую голову свою, начала оглядываться кругомъ и, увидѣвъ въ крытыхъ дрожкахъ Перепетую Эльпидифоровну, которая, собираясь на гулянье, заѣхала сюда посмотрѣть, какъ идетъ пшеница ея, — женщина въ атласныхъ башмакахъ и въ чепцѣ вице–губернаторши стала кивать Мукомоловой привѣтливо головой, назвала ее по имени, протолкалась къ ней, низко поклонилась у приступка дрожекъ и, нагнувшись къ ней, стала что–то разсказывать. Дѣло показалось Мукомоловой такъ любопытно, что она пригласила вѣстовщицу къ себѣ въ дрожки, приказала кучеру ѣхать шагомъ, и во всю дорогу, до самаго жилища сопутницы своей, переговаривалась съ нею чрезвычайно–дѣльно и прилежно. У низенькой лачужки дрожки остановились; одна вышла, а другая, раскланиваясь съ нею, говорила: «Ну, спасибо, спасибо вамъ,

Афимья Спиридоновна! Да что это вы, право, какія спѣсивыя, никогда не зайдете! Ну хорошо, что я встрѣтила васъ теперь; а не попадись я вамъ, вѣдь вы бы и не подумали зайдти да подѣлиться новостями, и весь городъ узналъ бы прежде меня! Хоть пришлите — я давно припасла для васъ мѣрочку пеклеванной муки!» И съ тѣмъ, принявъ поклоны и благодарность записной наушницы и вѣстовщицы, которая извинялась тѣмъ, что всякому–де хочется послушать новостей, не всегда успѣешь зайдти куда бы и хотѣлось, — Мукомолова отправилась на гулянье подъ Каменную–Гору.

Перепетуя Эльпидифоровна, встрѣтивъ тамъ мужа, погладила его по щекѣ, взяла подъ руку и принялась ему разсказывать. Онъ было–захохоталъ во все горло, не сталъ вѣрить, но она побожилась, какъ Корней Власовъ, три раза сряду, и Мукомоловъ, переставъ смѣяться, подобралъ брылѣ, скорчилъ дѣловую рожу и пригнулъ голову на бокъ. За–тѣмъ супруги разошлись: онъ пошелъ къ своимъ, она къ своимъ, и оба начали передавать

вѣсть, по принадлежности. Можетъ быть, вѣсть эта и долго еще не дошла бы до насъ, потому–что Перепетуя Эльпидифоровна говорила все только шопотомъ, каждой барынѣ по–одиначкѣ, часто даже нà ухо; но Мукомоловъ не любилъ тратить словъ и времени по–пустому; онъ зналъ одну только тайну и держалъ ее крѣпко, а именно: когда, кому и сколько и по какимъ процентамъ отдано было имъ денегъ. Все остальное говорилъ онъ въ–слухъ. Встрѣтясь съ нѣсколькими мужчинами, проревѣлъ онъ зычнымъ голосомъ: «Господа, поздравляю! Лировъ женится на Мелашѣ Голубевой и ѣдетъ назадъ, въ Малиновъ!» За–тѣмъ слѣдовало удивленіе, хохотъ, споры, подробности, доказательства, опроверженія; одинъ вѣрилъ, другой не вѣрилъ, третій зналъ это напередъ, – и вскорѣ подъ Каменной–Горой ни о чемъ болѣе не говорили какъ о сватьбѣ Лирова съ Мелашей Голубевой. Всякій судилъ, рядилъ, поздравлялъ, утѣшалъ и утѣшался, кто какъ могъ и умѣлъ.

Здѣсь остается еще пояснить, какое лицо или существо была женщина въ атласныхъ башмакахъ и бумажномъ платкѣ. Это, изволите видѣть, особенное сословіе малиновскихъ жительницъ, необходимое и полезное, какъ мха и рожки и сытовая роса для урожая, какъ червоточина въ яблокѣ. Это собственно такъ–называемыя вдовушки; иногда онѣ называютъ себя также сиротами; это — вдовы бывшихъ чиновниковъ, женщины, принадлежавшія когда–то болѣе или менѣе къ свѣту, но утратившія, вмѣстѣ съ мужемъ, и доходное мѣсто, и честь, и славу, и вѣсъ и значеніе. Онѣ теперь стараются быть вхожими кой–въ–какіе дома, что бы сказать: я была у такой–то, пила чай у такой–то, и пріобрѣтать посильными трудами подмогу бѣдности своей и подпору сиротству. Для этого имъ открыта вѣрная дорога: ходить изъ дома въ домъ и разносить вѣсти. Откуда вѣсти эти берутся — иногда, право, трудно разгадать; такъ, напримѣръ, спрашиваю васъ, откуда могло взяться извѣстіе о возвращеніи Лирова и о сватьбѣ его съ Голубевой? Вы скажете: вѣроятно,

торговка слышала и передала слухи и толки сиротѣ, а эта въ свою очередь Мукомоловой; — очень хорошо; но я спрашиваю, откуда взяла ихъ торговка? Чудное дѣло, ей–Богу, чудное! Отъищемъ поскорѣе своего Евсея, и убѣдимся, что на этотъ разъ малиновскія вѣстовщицы превзошли самихъ–себя до–нельзя: онѣ оставили далеко за собою всѣхъ ясновидящихъ цѣлаго міра, а брюсовъ календарь — имъ и въ подметки негодится.

ГЛАВА 11.

КОРНЕЙ ГОРЮНОВЪ НЕ СОГЛАСЕНЪ ЖЕНИТЬСЯ.

И въ–самомъ–дѣлѣ, посмотримъ да поглядимъ, что дѣлаетъ теперь Евсей Стахѣевичь: если гдѣ–нибудь можно добиться толку, распутать и размотать слышанныя нами объ немъ въ Малиновѣ новости, то, вѣроятно, у него–самого; надобно, по–крайней–мѣрѣ, полагать, что дѣлу безъ него не обойдтись и что онъ

знаетъ объ этомъ, если не болѣе, то по–крайности и неменѣе малиновской торговки, вдовушки или сироты, и даже самой Перепетуи Эльпидифоровны.

Ну, а чтѣ же вы скажете, почтенные читатели, если я вамъ докажу на дѣлѣ, что Евсею Стахѣевичу вовсе ничего объ этомъ неизвѣстно и что Малиновцы наши, которые, говоря вообще, гораздо–болѣе подходятъ къ породѣ лягавыхъ, нежели борзыхъ, потому–что чуютъ верхнимъ чутьемъ, что Малиновцы наши дѣла этого рода знаютъ гораздо и весьма–заблаговременно, и всегда прежде тѣхъ, до коихъ онѣ непосредственно относятся?

Итакъ отправляемся изъ–подъ Каменной–Горы, изъ Малинова, прямо въ Клинъ и навѣщаемъ Евсея въ ту самую минуту, когда Мукомоловъ на вечернемъ, воскресномъ гуляньѣ, побѣдоноснымъ голосомъ перваго вѣстовщика восклицаетъ: «поздравляю, господа: Лировъ женится на Мелашѣ Голубевой и ѣдетъ обратно въ Малиновъ!». Мы въ это мгновенiе застаёмъ Лирова все въ той же гостинницѣ и въ той же комнатѣ; онъ расхаживаетъ себѣ взадъ и

впередъ, и разсуждаетъ про себя, проговариваясь иногда въ–слухъ: «Чудное дѣло! не могу опомниться — не могу очнуться! Кажется, я все еще дремлю въ–потьмахъ, въ роковомъ дилижансѣ, и вижу передъ собою — то, чтъ видѣлъ тогда и чего увидать никогда болѣе не чаялъ. Надобно же, чтобы я метался, какъ безумный, взадъ и впередъ по московской дорогѣ, чтобы покинулъ не–взначай благодѣтеля своего, чтобы избоина эта, Ивановъ, меня обманулъ, увѣрилъ, что она уѣхала въ Крымъ — и все это и сотня другихъ нежданныхъ, маловажныхъ и бездѣльныхъ случайностей сошлись и столкнулись надъ бѣдной моей головой, и чтобы изъ этого всего вышло и составилось событіе — да, событіе; въ тѣсномъ кругу жизни моей это событіе, неменѣе важное, какъ потопъ и столпотвореніе для всемірной исторіи. Гонимый судьбою, сидя въ крайнемъ бѣдствіи и самомъ отчаянномъ положеніи, здѣсь, въ Клину, вдругъ встрѣчаю я боготворимую Марью Ивановну...» — Тутъ мечты стали играть въ головѣ Лирова такъ несвязно, уносчиво и

съ такимъ отсутствіемъ всякой логики и послѣдовательности, что уловить и изложить ихъ мы не беремся. Евсей кинулся въ изнеможеніи на извѣстный намъ кожаный диванъ и закрылъ глаза рукою.

Корней Горюновъ входитъ, покашливаетъ, поглядываетъ, переступаетъ какъ сторожевой журавль съ ноги на ногу, и говоритъ, почесываясь: «а чтѣ, сударь, Евсей Стахѣевичь, чай, что–нибудь да дѣлать надо, такъ не сидѣть же!»

— Покуда само дѣлается, такъ не надо.

«Пожалуй, дѣлается! Вотъ у насъ былъ одинъ такой въ полку: бывало, загуляетъ, такъ пошелъ да пошелъ — и пропьетъ съ себя все, до рубашки, — такъ будто это и хорошо?»

— Задача, Корней Власовичь, дай подумать! ну что же? ты боишься, чтобы и я не сталъ пить? Не бось, не стану!

«Нѣтъ, сударь, Богъ миловалъ покуда, чтѣ впередъ будетъ! А я, сударь, говорю только, что служилъ я Богу и великому государю 25 лѣтъ вѣрой и правдой, и родясь начальства не обманывалъ, а это что такое, сударь, чтѣ вы дѣлаете, — этого не

видалъ я старикъ нигдѣ! Выѣхали на большую дорогу да гоняемся, прости Господи, не знать за–чѣмъ; и деньги всѣ проѣздили и пѣшкомъ всю дорогу исходили, да и сѣли и сидимъ теперь, да такъ видно и будемъ сидѣть сиднемъ сидячимъ?»

— Коли сидѣть не будетъ намъ хуже нынѣшняго, такъ на что же и куда ѣхать, Корней? Дай Богъ этакъ посидѣть всякому!

«Дай Богъ, сударь, сидѣть этакъ Туркѣ да Французу, да еще кто похуже того, а не намъ! Это, стало–быть, ужь я знаю, Евсей Стахѣевичь, стало–быть, хотите жениться; да только все это пустяки, ей–Богу, пустяки!»

— Это ты откуда взялъ? къ какой стати приплелъ ты тутъ женитьбу? — И зà словомъ Евсей нашъ расхохотался.

«Да ужь извѣстно, коли изволите говорить, что хорошо сидѣть этакъ, такъ хорошо вамъ, стало–быть, подлѣ барышни; а пустяки это, сударь, все! Деньги прогуляли, ни Питера, ни Москвы въ глаза не видали, за чѣмъ поѣхали — позабыли; скоро, сударь, вѣдь и моихъ не станетъ —

тогда что будемъ дѣлать? Я, сударь, не хочу попрекать васъ — избави меня Господь; мнѣ старику — могила, а не деньги, а гдѣ лягу, все равно, ужь мнѣ родина не тамъ, гдѣ родился, а гдѣ закопаютъ меня, старика; да тогда чтѣ дѣлать станемъ съ вами?.. Я, сударь, сами изволите знать, взятъ на службу изъ Сибири, шестнадцати годовъ отъ–роду; сказали тамъ: нужды нѣтъ, что не великъ, поколѣ дойдетъ до мѣста, такъ подростетъ. Покинулъ я молодую хозяйку, а дѣтей, признаться, еще не было. Прослужилъ я вѣрой и правдой 25 лѣтъ; только на послѣдніе четыре года, какъ уже поясница стала одолѣвать меня, пошелъ я въ деньщики; да и то, сударь, плакалъ, что съ ружьемъ да съ сумой пришлось разставаться на безвременьи — словно, и они по мнѣ и я по нихъ соскучились; а дай, Богъ, здоровье майору, и майоръ добрый былъ мнѣ господинъ и вѣрилъ завсегда бывало, ужь знаетъ, что я его не обману. Вышла мнѣ и чистая, такъ и тутъ видно согрѣшилъ я передъ Богомъ да великимъ государемъ, что не пошелъ охотой на

другой срокъ — и нашивку бъ дали; а то — одно тль, что въ деньщикахъ ужь былъ, другое — что спина не служила, да и домой таки–захотѣлось: все, думается, дома лучше. Ну что жь? пошелъ, сударь, и домой, и въ другой разъ состарѣлся, поколѣ дошелъ: годъ безъ–малаго плелся — да ужь своего гнѣзда не засталъ; словно та же чужбина, только что еще тошнѣй прежняго стало. Изба, сударь, ужь не на томъ мѣстѣ стояла, не то чтобы ворота не на тѣхъ вереяхъ ходили; у хозяйки моей нашелъ шестеро ребятъ, трое переросли уже меня, и въ казакахъ всѣ они, да такіе молодцы, одинъ урядникомъ; и службу какъ у нихъ хорошо знаютъ и всѣ построенія, даже ѣздятъ, сударь, на мундштукахъ; это не то, напримѣръ, сибирскіе казаки наши, что донскіе; это — все равно, что любой конно–егерскій полкъ, только–что народъ еще порасторопнѣе будетъ, да по–удалѣе. Что жь! извѣстно бабье дѣло: хозяйка ревѣть, да цаловать, да въ ноги, и запѣла во всю улицу: «ты ненаглядный мой, ты мой ясный соколъ!» что народъ со всего села

сбѣжался, и все ужь казаки. И хозяинъ новый вышелъ, и фуражку снялъ, поклонился мнѣ старику и стоитъ, сердечный, призадумавшись, словно виноватый какой: а меня, вишь, давнымъ–давно въ покойники записали они; гдѣ, де–скать, жить ему, давно убитъ, чай, гдѣ–нибудь — за–поминъ души отслужили, да и дѣло въ шапкѣ. Завопила, сударь, хозяйка: «ты, мой ясный соколъ, ненаглядный ты мой», а я, подумавши, и говорю: «нѣтъ, хозяюшка, наглядись ты на ненагляднаго своего, коли такъ честишь, да не безчести поминомъ яснаго сокола: былъ онъ таковъ, поколѣ кален÷ стрѣла, да пуля свинцовая не подшибли летковъ молодецкихъ, — а былъ, сударь, я раненъ и стрѣлой, на Кавказѣ, — да поколѣ долгая година да непогодица не обломала перья прав√льныя! Теперь сталъ я сова куцая, ощипанная, и глядѣть тебѣ, хозяюшкѣ моей, не на что!» Такъ я, словно на побывку, пришелъ, пожилъ съ–недѣлю, да отдохнулъ, и внука еще крестилъ у втораго пасынка своего, у урядника, и крестъ тѣльной ему подарилъ, съ себя снявъ, который всю службу со

мной служилъ и въ пятидесяти сраженіяхъ бывалъ и боронилъ меня отъ смерти, хоть и раненъ былъ я разъ шесть; такъ тутъ ужь и старики всѣ говорили, что будетъ–де крестникъ удалой казакъ, станетъ бить и Киргизцевъ и Куканцевъ. А самъ я, перекрестясь, и поѣхалъ оттуда назадъ въ Россію, съ бариномъ, который въ Сибирь нашу за чиномъ пріѣзжалъ, да отправился опять въ Москву... Такъ вотъ, сударь, чтѣ проку жениться–то? ничего нѣтъ толку, одни только пустяки; только–что грѣха, можетъ статься, на душу возьмешь и другаго на грѣхъ наведешь; а что проку?»

Лировъ, преспокойно выслушалъ старика своего до конца, чтобъ увидѣть, чѣмъ все это кончится и куда его занесетъ; но потомъ спросилъ, привставъ съ дивана: Да кто же тебя настроилъ, старикъ, и откуда ты взялъ вѣсти свои? Не говори, ради Бога, пустяковъ этихъ; вѣдь люди услышатъ, такъ подумаютъ, что тутъ есть какая–нибудь правда; откуда ты взялъ, что я сватаюсь?

«Да извѣстно, человѣкъ ищетъ гдѣ глубже... тово, гдѣ лучше, рыба — гдѣ

глубже. Да только пустяки все это сударь, ей–Богу!»

— Да пустяки же и есть: и я тебѣ говорю, что пустяки, и ты говоришь, что пустяки, такъ о чемъ же мы толкуемъ?

«Ну, пустяки, такъ пустяки, ихъ и въ сторону. Такъ пожалуйте, сударь, проситъ васъ къ себѣ барыня, Марья Ивановна: приходила отъ нея дѣвка.»

— Экой чудакъ ты, старый хрѣнъ, право, чудакъ! чтъ же ты мнѣ цѣлый часъ сказки сказывалъ, а не сказалъ, какъ вошелъ, что меня зовутъ?

«Да я только хотѣлъ, то–есть, доложить вамъ напередъ» переминался Горюновъ, «чтобы не вышло то–есть опослЇ какихъ пустяковъ...» Лировъ вскочилъ и вышелъ.

«Послушайте!» — встрѣтила его Марья Ивановна — «у меня до васъ просьба: мы поѣдемъ вмѣстѣ съ вами до Твери, а тамъ, какъ вамъ нѣтъ никакой надобности ѣхать въ Москву, то вы и не откажетесь быть провожатымъ нашимъ до Малинова; не такъ ли?»

— Душою былъ бы радъ, матушка, если бы я вамъ хоть на это пригодился; только...

«Чтѣ только? — Нѣтъ, вы мнѣ въ этомъ не откажете. Дайте, однакожь, сказать вамъ еще другое слово — притворите–ка дверь, чтобы дѣти не слышали — мнѣ надо спросить васъ, не знаете ли, откуда это вышло, будто вы сватаетесь на Мелашѣ?»

— Такъ и вы ужь объ этомъ слышали? Вы меня знаете, матушка, и повѣрите мнѣ, если я вамъ скажу, что сплетня эта меня, за васъ, очень огорчила, но что я знаю объ ней, вѣроятно, еще менѣе васъ; сей–часъ только старикъ мой разсказалъ мнѣ всѣ похожденія и приключенія свои, прежде чѣмъ позвалъ сюда, и вплелъ туда, Богъ–знаетъ къ–чему, предполагаемое имъ сватовство мое; болѣе я не знаю рѣшительно ничего. Я просилъ его убѣдительно не говорить такого вздора, но не могъ отъ него добиться — чьи это догадки и откуда они взялись.

«Ну, Богъ съ ними, оставимъ это; я только хотѣла высказать вамъ, чтѣ у меня на душѣ. Слушайте, я вамъ открою настоящее мое положеніе и буду ожидать отъ васъ помощи:

«Михайло Степановичь, которому мы, какъ опекуну, много обязаны, человѣкъ — для меня по–крайней–мѣрѣ — самый непонятный. Безъ всякаго дурнаго намѣренія, вѣроятно, онъ сдѣлалъ меня и дѣтей моихъ мучениками своими, и у меня уже не достаетъ болѣе ни силъ, ни терпѣнія. Самъ же онъ, видно, вовсе не понимаетъ въ чемъ дѣло; его нельзя ни вразумить, ни убѣдить, ни умолить — онъ самъ оцѣняетъ услуги и одолженія свои и требуетъ за нихъ такую признательность, въ которой я должна была отказать ему на отрѣзъ; счастіемъ дѣтей своихъ я жертвовать для него не могу. Онъ, какъ видно, давно уже рѣшилъ, что женится на Мелашѣ; онъ навѣщалъ дѣтей еще въ Институтѣ и, къ–несчастію, а можетъ быть и къ–счастію, тамъ уже сдѣлалъ невыгодное на нихъ впечатлѣніе; онѣ объявили мнѣ объ этомъ съ самаго начала принятымъ у нихъ, довольно–рѣшительнымъ выраженіемъ: «онъ такой злой, маменька, мы его презираемъ!» Я пожурила ихъ за это, растолковала имъ, что, не зная его почти вовсе, имъ нейдетъ и

осуждать его; что, кромѣ–того, онъ у нихъ заступаетъ мѣсто отца. Мягкія сердца ихъ каялись уже въ слезахъ и почти собирались «обожать» Оборотнева, какъ этотъ, при нынѣшнихъ поѣздкахъ своихъ съ нами изъ столицы въ столицу, гдѣ приводили мы въ порядокъ дѣла по опекунскимъ совѣтамъ и въ другихъ мѣстахъ, самъ обращеніемъ своимъ все испортилъ и поставилъ меня въ самое затруднительное положеніе. Онъ, видите, такъ странно обходится съ ними, особенно съ Мелашей, что бѣдненькія стали вовсе въ–тупикъ, не знаютъ, чтъ дѣлать и какъ показать ему свое дѣтское уваженіе и признательность. Онѣ хотятъ видѣть въ немъ втораго отца, а онъ ухаживаетъ за ними, очень–незастѣнчиво, женихомъ, и не щадитъ при этомъ никого. Я говорила объ этомъ съ нимъ не разъ, но онъ меня не понимаетъ, или не хочетъ понять и продолжаетъ мучить безпощадно бѣдныхъ дѣвушекъ. Я давно видѣла, что онъ ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть парой для Мелаши, но не могла сказать ему это прямо, потому–что онъ доселѣ еще не сватался. Наконецъ, нынѣшнее утро, Богъ

послалъ намъ васъ; я узнала въ васъ сына, а Оборотневъ – соперника. Да, соперника; не знаю какъ и почему, но онъ приступилъ, съ часъ тому, ко мнѣ съ изъясненіемъ и былъ такъ неостороженъ, что даже началъ говорить объ этомъ при дѣтяхъ. Я выслала ихъ и принуждена была сказать ему, что вы, сколько мнѣ извѣстно, не угрожаете ему соперничествомъ своимъ, но что я доселѣ считала поведеніе одною только загадочною шуткою, что я никогда не стану приневоливать дочери къ замужеству за немилаго, и что, даже и по моему мнѣнію, онъ Мелашѣ а она ему – не пара. Благодарность благодарностью, но этого я на душу не возьму. Теперь бѣдненькія сидятъ и плачутъ, а Михайло Степановичь вышелъ отъ меня очень–недовольнымъ; мы сидимъ и ждемъ, сами не зная чего, тогда какъ намъ давно бы пора была ѣхать. Вѣроятно, онъ охотно съ нами разстанется и мы прибѣгаемъ подъ ваше покровительство; вы довезете насъ домой?»

Лировъ, поперхнувшисъ слезой, долго глядѣлъ молча на Марью Ивановну, которая спросила его еще разъ: «такъ вы

поѣдете съ нами? мы остаемся однѣ, и вы насъ не покинете!»

— Не покину, матушка, отвѣчалъ Лировъ проснувшись, если вы этого хотите, но — не хорошо дѣлаю, что не покидаю, не хорошо, что не покинулъ уже раньше, не хорошо даже, что встрѣтился съ вами!

«Я васъ не понимаю» отвѣчала Марья Ивановна, глядя на Лирова: «а это вы знаете, рѣдко случалось; что это значитъ?»

— Это значитъ вотъ что, матушка: я отъявленный бѣдов√къ; со мною никому не будетъ ни добра, ни радости, ни счастья; мой цвѣточный путь — еще и незасѣянъ,;я привыкъ уже ходить босикомъ по отцвѣтшимъ незабудкамъ, а это, какъ вы знаете, однѣ колючки. Я боюсь, не перенести бы мнѣ къ вамъ, въ семейство ваше, мою судьбу–гонительницу, — а это бы меня убило!

«Послушайте» сказала Марья Ивановна: «я не видала васъ никогда еще столько малодушнымъ, хотя знала васъ, какъ мнѣ кажется, гораздо въ худшемъ положенiи, чѣмъ нынѣ. Я воображаемаго вами несчастiя не боюсь; по–крайней–мѣрѣ, если

оно суждено мнѣ, то конечно не отъ васъ. Первое свиданіе съ вами, кромѣ душевнаго удовольствія, доставляетъ мнѣ еще, въ крайне–непріятномъ положеніи моемъ, помощь и спасеніе: вы меня теперь можете выручить...»

— О, не просите же меня такъ убѣдительно, матушка! отвѣчалъ быстро Лировъ: мнѣ совѣстно передъ вами и стыдно. Дѣлайте, чтъ хотите, везите меня куда угодно: вашъ отвѣтъ, если.... если....

«Что если?» спросила Марья Ивановна: «что жь? Вы покинули Малиновъ, гдѣ васъ знали, какъ хорошаго, честнаго и дѣловаго человѣка; вы поѣхали, Богъ–знаетъ–за–чѣмъ, на чужбину безъ средствъ, безъ пособій, даже безъ денегъ; можетъ–быть, это и не благоразумно, но я очень понимаю и уважаю чувство, которое васъ къ этому побудило, и бѣды тутъ впрочемъ еще нѣтъ никакой; вы немного узнали свѣтъ, а это было вамъ нужно. Теперь вы воротитесь въ Малиновъ, для меня, и сообразите тамъ уже въ другой разъ, ѣхать ли вамъ опять за бѣдой, или оставаться тамъ, гдѣ васъ знаютъ и потому вѣрно всегда дадутъ вамъ

мѣсто. Подумайте хорошенько и вы согласитесь, что я говорю правду.»

— Какъ всегда, матушка, такъ и теперь, говорите вы совершенную правду, сказалъ Лировъ, поцаловавъ руку Марьи Ивановны: я это вижу и понимаю; вижу такъ же, что мнѣ нельзя не ѣхать съ вами, но — матушка... болѣе я не могу вамъ сказать ничего, я не могу еще опомниться.... сердце у меня какъ–то сжимается, здѣсь, въ горлѣ, давитъ, промежь глазъ, во лбу, стучитъ — я чего–то боюсь, и очень боюсь, а самъ не знаю чего! Ѣду съ вами, ѣду; я вѣдь весь вашъ, давно сынъ вашъ, и Богъ мнѣ дастъ силу перенести все, не спотыкаясь, не обрушиваясь всею тяжестію этого бѣдоноснаго чела ни на кого! О, отъ этого избави меня, Боже, и дай мнѣ силу и крѣпость!

Когда Лировъ, взволнованный темными, безотчетными чувствами, ушелъ, Марья Ивановна долго еще глядѣла молча за нимъ въ–слѣдъ, потомъ вздохнувъ, подумала:

«Добрая душа! Я понимаю тебя, хотя и не смѣю тебѣ этого сказать. Нѣтъ, я этого не боюсь; я знаю тебя, какъ сына, и не

пугаюсь тебя, чтѣ бы изъ этого ни вышло. То, чего ты изъ скромности и уничиженія боишься, было бы, можетъ статься, утѣшеніемъ моимъ, если было бы такъ угодно Богу; но я въ дѣло это не мѣшаюсь: матери дозволено только устранять Оборотневыхъ; а что дальше будетъ — власть Господня.

—

ГЛАВА 12.

ЕВСЕЙ СТАХѢЕВИЧЬ НАѢЗДИЛСЯ И ВОРОТИЛСЯ.

Итакъ, любезные читатели, мы видѣли, чтѣ дѣлалось въ одно и то же время, въ воскресенье вечеромъ, въ Малиновѣ, и за 500 верстъ отъ него, въ Клинѣ; спрашиваю еще разъ, какъ малиновскія дѣвушки, торговки, или кто бы то ни былъ, могли знать то, чтѣ, какъ смѣтливые читатели мои, чай, догадываются, со–временемъ могло бы и случиться, но чего, по–крайней–мѣрѣ доселѣ, еще вовсе не было?

Стало–быть, Малиновцы наши, какъ я вамъ и напередъ уже докладывалъ, были въ высшей степени одарены ясновидѣніемъ; стало–быть, они видѣли и слышали изъ–подъ Каменной–Горы своей или съ этого знаменитаго рынка, съ базара, все, чтѣ дѣялось въ то же самое время въ Клинѣ, и, какъ люди очень догадливые, вывели изъ этого свои заключенія, иначе я этого дива, ей–ей, истолковать не умѣю.

Марья Ивановна Голубева была хозяйкой того самаго дома, о которомъ Лировъ вспоминалъ по–ч÷сту во–снѣ и на–яву; если не ошибаюсь, говорилъ какъ–то я въ разсказѣ нашемъ, что семейство, къ которому онъ было–привязался какъ къ родному, давно уже оставило Малиновъ. Голубева, овдовѣвъ, поѣхала въ Петербургъ за дочерьми, которыя были отданы уже прежде въ Патріотическій–Институтъ; она не располагала–было вовсе воротиться въ Малиновъ, но, приведя дѣла свои, обще со звѣздистымъ опекуномъ, въ порядокъ, и, не успѣвъ продать выгодно малиновское имѣніе свое, передумала и рѣшилась

основаться снова жительствомъ въ томъ же губернскомъ городѣ.

Лировъ зналъ Мелашу и Любашу дѣтьми и нà шивалъ ихъ на рукахъ; онъ былъ въ домѣ свой, и Голубева почти можно сказать воспитала Лирова, по крайней–мѣрѣ образовала, перевоспитала его, хотя онъ былъ и въ то время уже не ребенокъ, руководила занятіями его, снабжала книгами и выучила двумъ языкамъ. Она любила его, какъ сына, и онъ не называлъ ее иначе, какъ «матушкой». Лировъ былъ ей одной обязанъ образованіемъ своимъ и лучшими, утѣшительнѣйшими минутами безотрадной жизни своей, которая, особенно въ первыхъ степеняхъ его служенія, была горька и тошна. Можете себѣ вообразить радость нашего бѣдовикà, когда, во время отчаяннаго сидѣнія его въ Клинѣ, вдругъ прикатила изъ Москвы карета, изъ которой, въ глазахъ его, вышла Марья Ивановна съ дочерьми. Оборотневъ, котораго тревожилъ и безпокоилъ одинъ видъ незнакомаго ему вовсе Лирова, взглянулъ–было на него черезъ плечо; Евсей Стахѣевичь опять уже

стоялъ, какъ–будто на него нашелъ столбнякъ, когда Марья Ивановна первая его узнала – и радостямъ не было конца. Оборотневъ, хотя и былъ только, какъ выражался смотритель въ Помераньѣ, высокородный бригадиръ, со звѣздой св. Станислава 2–й степени, не зналъ однако же куда дѣваться отъ глупой, надутой спѣси, которая играла у него на лицѣ во всѣхъ жилкахъ, отзывалась во всѣхъ ухваткахъ, въ каждомъ словѣ, даже въ чиханьѣ и въ кашлѣ. У этихъ господъ на все свои особые пріемы. Оборотневъ о–сю–пору былъ холостъ, потому–что выжидалъ съ благимъ терпѣніемъ извѣстное число чиновъ и крестовъ, чтобы уже выбрать невѣсту вполнѣ по желанію и вкусу, не стѣсняясь никакими условіями. Оборотневъ былъ совершенно убѣжденъ, что статскому совѣтнику благовидной наружности и важной осанки, да еще и со звѣздой, нѣтъ препоны, ни помѣхи, нѣтъ сопротивленія, ни отказу; всякая и каждая, вспыхнувъ ѳиміамомъ признательности и подъемля на неоцѣненнаго жениха взоры благодарности и умиленія, полетитъ съ отверстыми

объятіями ему на–встрѣчу; гдѣ честь, думалъ Михайло Степановичь, тамъ и счастье; а онъ, въ завидной особѣ своей соединяетъ и то и другое. Между–тѣмъ, однакоже, шпаковатость, то–есть скворцовая масть головы его, убѣдительно и настойчиво докладывала, что пора приступить къ дѣлу; Богъ знаетъ съ–чего и почему выборъ Оборотнева палъ на Мелашу, съ покойнымъ отцомъ которой онъ былъ довольно–коротокъ. Но какая–то грубость, смѣшная самонадѣянность, глупая спѣсь, неприкрытая даже и видомъ приличія, ограниченность ума и очень–неловкое обращеніе отклонили отъ него заблаговременно чувства Мелаши, которая обожала или презирала всегда вмѣстѣ съ цѣлымъ классомъ. Оборотневъ, при частыхъ посѣщеніяхъ своихъ, сдѣлалъ такое непріятное впечатлѣніе на робкіе, дѣвственные умы или чувства, что было положено цѣлымъ классомъ презирать его, потому–что онъ такой недобрый. И темное, безотчетное чувство, неруководимое ни опытомъ жизни, ни навычною прозорливостію, отгадало истину;

безотчетная пріязнь и ненависть также имѣютъ свое значеніе.

Оборотневъ былъ, по завѣщанію Голубева, опекунъ осиротѣвшаго семейства его и хлопоталъ теперь въ Москвѣ и въ Петербургѣ по разнымъ его дѣламъ; ѣздилъ, какъ мы видѣли, съ Марьею Ивановною взадъ и впередъ, и старался при этомъ сблизиться съ Мелашей, которую называлъ уже въ–глаза и за–глаза невѣстой своей. Не смотря на своекорыстную цѣль этой услуги, онъ цѣнилъ ее однако же такъ высоко, что позволялъ себѣ быть противъ Голубевой грубымъ, взъискательнымъ и повелительнымъ — чего, конечно, мало–мальски порядочный человѣкъ никогда бы себѣ не позволилъ. Мы уже видѣли, чѣмъ все это кончилось; за–тѣмъ, его высокородіе надулся, уѣхалъ, почти не простившись съ Голубевой, въ Петербургъ, а Лировъ отправился съ нею и съ дочерьми ея въ Малиновъ, чего бѣднякъ, не безъ причины можетъ–быть, столько боялся.

Чтѣ сказать вамъ теперь о дѣвицахъ, о Мелашѣ и Любашѣ Голубевыхъ? Вѣроятно вамъ случалось встрѣтить гдѣ–нибудь одно

изъ этихъ милыхъ созданій, въ которыхъ, если говорить о каждой порознь, хотя и нѣтъ еще, до времени, души (мы слѣдуемъ здѣсь душесловію Лирова), но которыя всѣ вмѣстѣ составляютъ одну душу? Вы знаете, что онѣ, въ Патріотическомъ–Институтѣ своемъ, всѣ сами зовутъ другъ друга ангелами, прибавляя къ этому только номеръ кровати, и даже пишутъ на записочкахъ: «Милый ангелъ 147–й», «ангелочикъ 59–й» и прочее. Если вы спрльсите у нихъ: любите ли вы своего почтеннаго законоучителя? то онѣ отвѣчаютъ вамъ въ голосъ: «какъ можно–съ? мы его обожаемъ!» Если спрльсите: обожаете ли вы такого–то учителя? то онѣ отвѣчаютъ: «Нѣтъ–съ, мы его не обожаемъ, младшій классъ его обожаетъ.» Если спрльсите: плакали ль вы сегодня, когда прощались съ такою–то классной дамой, которая отходитъ? то онѣ, сложивъ ручки на передничкѣ и глядя вамъ прямо въ глаза, отвѣчаютъ: «Плакали–съ по–утру и послѣ обѣда – будемъ плакать». Таковы точно были и Мелаша съ Любашей – безплотныя жилицы блаженныхъ

острововъ макарійскихъ, какъ гласятъ народныя преданія наши, перенесенныя на эту грубую, плотскую, вещественную землю, на отжившую, обезсиленную почву большаго свѣта, въ которой нѣтъ уже ни сока, ни тука, на которую не канетъ благодатная капля дождя, а туманъ утренній стоитъ туманомъ и не разсыплется слезистой росою. Мелаша и Любаша слышали однажды о трудно–больномъ, который, будучи безнадеженъ, очень страдалъ; онѣ пришли передъ вечернею молитвой къ маменькѣ своей и спросили, съ ангельскою улыбкою на устахъ, съ пречистою слезинкою въ очахъ своихъ: «какъ прикажете молиться, маменька, объ этомъ больномъ, чтобы онъ жилъ еще, или чтобы уже Богъ прекратилъ страданія его и взялъ его къ себѣ?» Вотъ каковы были онѣ, Мелаша и Любаша – чистыя, праведныя души, къ которымъ еще свѣтъ не прикасался грязными когтями своими, не отравлялъ еще младенческой непорочности ихъ тлетворнымъ, нечестивымъ дыханіемъ своимъ. О, какъ тяжело бываетъ иногда бѣдняжкамъ этимъ обжиться снова въ

родительскомъ домѣ, который онѣ помнятъ только какъ несвязныя грезы о колыбельной пѣсенкѣ! Какъ тяжело иногда имъ пріурочить себя съ–изнова къ почвѣ и климату, въ которомъ нѣтъ и самаго отдаленнаго сходства съ благотворнымъ воздухомъ родной имъ теплицы, гдѣ сквозь чистыя стекла такъ утѣшительно и такъ привѣтливо улыбалось имъ все, и небо, и земля, и громады дворцовъ, гдѣ сотни пріемышей жужжатъ пчелками вокругъ заботливой матки своей, не зная ни нуждъ, ни заботъ, ни потребностей, ни страстей.... а выйдутъ въ свѣтъ — все это иначе. Вы жили въ мечтательномъ мірѣ — поживите жь теперь въ настоящемъ, и обживитесь съ нимъ, если умѣете!

Читатели мои сами видятъ, что по–этому большой разницы между обѣими сестрами быть не могло; но какъ у Творца нашего нѣтъ даже и двухъ совершенно–равнообразныхъ былинокъ, а все однородное основано на одномъ только подобіи, какъ въ свою очередь самое подобіе на разнообразіи, то и Мелаша съ Любашей, у которыхъ было столько общаго

въ чертахъ, въ станѣ и въ пріемахъ, равно какъ и въ нравственныхъ и умственныхъ качествахъ, были два отдѣльныя существа. Лировъ нашъ въ этомъ отношеніи конечно судья небезпристрастный; но и я, посторонній человѣкъ, гляжу на Мелашу, какъ на созданіе болѣе–полное и совершенное, въ которомъ уже все какъ–то болѣе пріуготовлено къ воспріятію ожидающей ее души. Можетъ быть, это потому только, что Любаша была еще полу–дитя, между–тѣмъ какъ Мелаша уже болѣе дозрѣла, и, какъ по–крайней–мѣрѣ казалось, обѣщала понять со–временемъ чувство, о которомъ Любаша не имѣла ниже отдаленнѣйшаго понятія. Впрочемъ, не смотря на замѣчаніе это и не смотря на безконечную любовь Лирова, самое существованіе которой ангельская головка ея еще долго, долго даже и не подозрѣвала, къ ней очень кстати можно примѣнить одну изъ любимыхъ присказокъ Корнея Горюнова: слѣпой спросилъ зрячаго товарища своего: «где былъ»? Въ–гостяхъ у кума. — «Что ѣлъ»? кашу съ молокомъ. — «Чтль такое молоко, какое оно

бываетъ»? Сладкое да бѣлое. — «Да какое жь бѣлое»? Да бѣло, ровно гусь. — «А гусь чтѣ такое? какой онъ бываетъ?» А вотъ такой — отвѣчалъ товарищъ, и согнулъ ему руку клюкой, представивъ изъ нея гуся — вотъ какой бываетъ гусь. Слѣпой ощупалъ руку его кругомъ и сказалъ: «А, теперь знаю.» И если бы вы меня спросили, какое понятіе есть в Любашѣ объ этомъ загадочномъ чувствѣ, съ которымъ свѣтскія дѣвицы наши знакомятся такъ преждевременно, убивая цвѣтъ въ самой еще почкѣ, то я бы вамъ отвѣчалъ: такое же, какъ и слѣпой Власова о молокѣ, котораго не видалъ, не ѣдалъ, а слышалъ отъ товарища, что оно бѣлое, какъ гусь, а гуся знаетъ только, ощупавъ согнутую костылемъ руку. И всякая неумѣстная попытка объяснить Мелашѣ, чтѣ такое любовь, кончилась бы присказкою Корнея Горюнова въ лицахъ. Оставимъ же ее бѣдняжку въ покоѣ; у нея есть теперь свой, доморощеный учитель. Недолго стоять затиши, даже и подъ этимъ зыбкимъ челномъ; взволнуются и эти тихомирныя воды, и общая доля ихъ не минуетъ: одинъ

мигъ чистаго блаженства и годы томительной суеты!

За–тѣмъ, остается мнѣ только еще сказать вамъ, что Лировъ, примкнувши къ Голубевымъ, по–видимому не навлекъ на нихъ, какъ опасался, гнѣва потѣшавшейся доселѣ надъ нимъ судьбы; неукротимая, своевольная и шаловливая, причудливая и всемогущая, обратила видно потѣшный самострѣлъ свой на кого–нибудь инаго, выслѣдила себѣ другую погремушку, другаго бѣдовик÷ и, какъ казалось, перечислила добраго Евсея по сказкамъ своимъ вовсе къ семейству Марьи Ивановны, на которомъ видимо почивала благодать Божія. По–крайней–мѣрѣ, всѣ они доѣхали до Малинова, безъ всякихъ лирическихъ похожденій; а новый предсѣдатель палаты, человѣкъ, вникнувшій во всѣ дѣла съ безпримѣрною въ лѣтописяхъ Малинова прозорливостію, прочитывая отъ начала и до конца не одно безконечное слушали и приказали, часто спрашивалъ у совѣтника: «да скажите, Петръ Петровичь, кто же у васъ писалъ, напримѣръ вотъ этотъ докладъ?» и на

отвѣтъ: это бывшій чиновникъ гражданской палаты, Лировъ, – продолжалъ, пожимая плечами: «странное дѣло, что вы этого человѣка не умѣли удержать, тогда какъ теперь некому сдѣлать даже и самой простой выписки изъ журнальнаго постановленія, а приходится, по–неволѣ, разсылать во всѣ мѣста точные съ нихъ списки, толщиною въ цѣлую десть!»

По этому Лировъ не успѣлъ прибыть въ Малиновъ, какъ предсѣдатель навѣстилъ его самъ, разспросилъ подробно обо всемъ и предложилъ ему мѣсто секретаря въ палатѣ, присовокупивъ, что ожидаютъ со дня на день новое положеніе о преобразованіи палатъ, по коему жалованье Лирова должно было значительно возвыситься. Благодѣтельное постановленіе это, какъ всѣмъ намъ извѣстно, дѣйствительно состоялось, и Лировъ можетъ теперь жить въ Малиновѣ не мѣстомъ, а жалованьемъ.

Представляю читателямъ потѣшаться мысленно истинно–достойнымъ любопытства удивленіемъ Малиновцевъ, ихъ шумными и нестройными возгласами,

невольно напоминающими гагаканье гусинаго гурта на столь знаменитомъ малиновскомъ базарѣ. Слышете ли при–этомъ побѣдоносные клики тѣхъ, которые все это пророчили и знали и видѣли напередъ? слышете ль гулъ извиненій и оправданій тѣхъ, которые сомнѣвались, спорили и не вѣрили? слышете ли также этотъ средній рѣзкій голосъ вѣстовщиковъ, которые не спорятъ о прошедшемъ, потому–что заняты до–нà льзя и набиты отъ пятокъ по самое темя будущимъ и настоящимъ? Да, друзья мои, все это шло и прошло своимъ чередомъ, всѣ наконецъ свыклись съ нежданнымъ оборотомъ дѣла, потому–что старое уже не можетъ быть новостью; языки поуспокоились или пошли выплетать коймы да оборки къ новымъ слухамъ и новостямъ — и дѣла пошли опять своимъ чередомъ и порядкомъ.

А чтобы не упрекнули меня, будто я умышленно набралъ и выставилъ у позорнаго столба какихъ–то уродовъ и чудаковъ и выказалъ одну только слабую сторону города Малинова, я опять–таки

ухвачусь за притчу неоцѣненнаго для меня Корнея Власовича Горюнова:

«Кочка видна по дорогѣ издали, мечется въ глаза по–неволѣ и досаждаетъ всякому; а по гладкой дорогѣ пройдешь и не спохватишься, что прошелъ.»

В. ЛУГАНСКІЙ.